

вони є досить неефективним у встановленні контролю над свідомістю.

Девід Дж. Бромлей, професор соціології Університеті Загальних Наук (Вірджинія).

Певно, що деякі люди будуть заявляти: моя свідомість була під контролем. Поза сумнівом, вони звертатимуться до цього аргументу для пояснення свого відступництва. Багато людей, що приєдналися до релігії, знайшли себе дуже глибоко зв'язаними з нею і їм важко вийти з цієї ситуації. Звинувачення культу є одним з шляхів поривання зв'язків. Це майже як з колишніми алкоголіками, які знаходять вихід зі своєї проблеми, звинувачуючи у всьому демона рому.

Теорія «контролю над свідомістю» не звинувачує у всьому людину, яка приєдналася. Вона не кладе провину на родину. Вам не потрібно звинувачувати себе в тому, що ви погані батьки, ні. Ця теорія звинувачує того жорстокого духовного наставника, гуру та маніакальні технології, якими він володіє. Тому це є найкращим розв'язанням проблеми!

Наведені цитати вибрані Р.Стівенсом та Р.Назаренко з таких видань: Excerpts of speech by Eileen Barker to Russian Duma, February 14, 1995; Excerpts taken from «The Myth of 'Mind Control' -- ABSTRACT», published in the monthly newsletter of the American Conference on Religious Movements; From a report to the Departments of Justice and Treasury, as quoted by Dean Kelley; Melton & Moore: «THE CULT EXPERIENCE: Responding to the New Religious Pluralism,» by The Pilgrim Press, New York, 1982; San Marton, December 13, 1993 - Case N81/89 "CAVAZZA, Juan C. and others, on Inf. Art.125, 139, 140, 142, Par.1, 142 bis, 210, 293 of the Code of Proceedings and art.3 of Law 23,592" - Federal Court of San Isidro 1 - Sec.2 - Office II, Reg. №443. Section XI.- «PERTAINING TO THE CHARGES OF FALSE IMPRISONMENT, CONFINEMENT AND CONCEALMENT OF PERSONS». Translated from original document in Spanish; Page 421-422 of «Study of Mind Development Groups, Sects and Cults in Ontario», a report to the Ontario Government, June 1980 by Daniel G. Hill; Streiker: MIND-BENDING: Brainwashing, Cults, and Deprogramming in the '80s, by Lowell D. Streiker, Doubleday, 1984; «Reflections on the Tragedy at Waco»; Press Release issued November 26, 1995, from Institute of the Study of American Religion, 1985:163-165; «A Social-Scientific Perspective on Cults, Brainwashing, and Deprogramming,» March 1993; E.g., Galanter, Marc, et al. "The 'Moonies': A Psychological Study of Conversion and Membership in a Contemporary Religious Sect." American Journal of Psychiatry 136 (1979), pp. 165-170; Ross, Michael. "Clinical Profiles of Hare Krishna Devotees." American Journal of Psychiatry 140 (1983), pp. 416-420; Levine, Saul. "Radical Departures: Desperate Detours to Growing Up". New York: Harcourt Brace Javanovich, 1984; «Psychology and Religion in Court—Again», published in The Christian CENTURY, October 1987; As quoted by William Shaw in an article The Observer Magazine, 28 May 1995; Brief Amicus Curiae in George & George vs. International Society for Krishna Consciousness of California.

У. Коул Дюрэм., Лорен Б. Хоумер.*

**АНАЛИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1997 ГОДА
“О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И О РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ”**

В данной статье авторы задались целью всесторонне осветить жаркие дискуссии, развернувшиеся вокруг Закона и не утихавшие вплоть до его принятия, а также попытались нарисовать объективную картину того, как его положения могут быть истолкованы и применены на практике. Дабы принести максимальную пользу, такого рода аналитическая оценка Закона должна охватить ряд важных тем, а именно: опасности, угрожающие правам верующих и религиозных объединений (речь идет как о свободе вероисповедания, так и о некоторых других правах и свободах) в связи со вступлением в силу данного Закона, которые находились в центре внимания общественности до его принятия; сопутствующие материалы, призванные истолковывать отдельные положения Закона; способы толкования и применения Закона, позволяющие избежать многих таких опасностей. Исходя из этих соображений, авторы уделили много внимания таким документам, как “Проект свода правил”, “Правила

* У. Коул Дюрэм-мл., Профессор права юридического факультета Дж. Рейбена Кларка Бригэм-Янгского университета; член руководящего комитета Международной академии свободы вероисповедания и религиозных убеждений. Бакалавр искусств, Гарвардский колледж (1972); доктор права, Гарвардская школа права (1975); Лорен Б. Хоумер. Президент фонда “Законность и свобода”, Вьенна, штат Вирджиния; Председатель Группы международного права, Вьенна, штат Вирджиния. Член Международной академии свободы вероисповедания и религиозных убеждений. Бакалавр искусств, университет Дьюка (1967); магистр искусств, Йельский университет (1970); доктор права, Колумбийская школа права (1977).

регистрации иностранных представительств”, “Контрольная директива” Министерства юстиции в РФ и “Комментарий Себенцова”, курирующего религиозную сферу в Кабмине, а также информации, почерпнутой из многочисленных неформальных бесед с высокопоставленными российскими чиновниками, в чьи обязанности входит практическое применение Закона. Поскольку анализ различных положений Закона на предмет их возможного толкования и применения и без того занял слишком много места, мы не стали подробно рассматривать в рамках этой статьи конституционные и международно-правовые проблемы, возникающие в связи с принятием Закона (нормы международного права, согласно статье 15 Конституции РФ, являются составной частью ее правовой системы). Наша задача – обозначить наиболее вероятные пути применения Закона и методы решения некоторых актуальных проблем, способных осложнить жизнь верующих.

Еще большие опасения вызывает то обстоятельство, что подход к применению закона на местном и региональном уровнях, скорее всего, окажется куда менее “просвещенным”, нежели на федеральном; этому может способствовать традиционное чувство враждебности ко всему иностранному и, в частности, к иностранным миссионерам. Именно на этих уровнях свобода вероисповедания особо нуждается в защите. Расплывчатость многих положений Закона, допускающая их чрезмерно широкое толкование, вкупе с очевидным стремлением его разработчиков навязать новым религиозным группам 15-летний “испытательный срок”, в течение которого они будут ограничены в правах, практически неизбежно приведет к конфликтным ситуациям, из-за чего репутация России как государства, уважающего свободу вероисповедания, может сильно пострадать.

I. Предыстория Закона 1997 года

На более раннем этапе конфронтации между законодателями и Президентом РФ по поводу ограничения свободы вероисповедания в 1993-м году Ельцин твердо отстаивал свою точку зрения и решительно отверг проект закона, нарушавшего права верующих. Борьба вокруг этого законопроекта стала частью более широкого конфликта между Ельциным и его оппонентами, приведшего в конечном итоге к роспуску Верховного Совета и принятию новой российской Конституции в декабре 1993 года. В 1997 году Ельцин первоначально также наложил вето на аналогичный закон, однако менее чем через два месяца все же подписал так называемый компромиссный вариант, где не были учтены многие его замечания по части нарушений конституционных прав граждан, изложенные в его послании парламенту.

Кульминацией всей этой кампании стало принятие Сенатом в июле 1997-го года, незадолго до того, как Ельцин наложил вето на первый вариант закона, поправки Смита к законопроекту об ассигнованиях на помощь иностранным государствам в 1998-м году. Эта поправка, одобренная 95 голосами против 4, изначально обуславливала продолжение финансовой помощи России отказом от принятия каких-либо законодательных актов, ущемляющих права религиозных групп. Многих, однако, беспокоило, что подобный шаг может оказаться контрпродуктивным из-за отрицательной реакции, которую он может спровоцировать в России (что в действительности и произошло). Сам сенатор Лугар, убежденный противник российского закона о свободе совести, проголосовал против поправки Смита именно из таких соображений. Помимо всего прочего, высказывались опасения, что эта поправка сыграет на руку противникам Ельцина в Думе и в конечном итоге вынудит его, несмотря на искреннюю приверженность делу защиты прав человека, подписать закон, дабы не выглядеть в глазах своих сограждан марионеткой Запада. Поэтому в своей окончательной редакции поправка увязывала возможные санкции уже не с принятием закона, а с тем, как он будет применяться на практике. К поправке Смита мы еще вернемся, пока же отметим, что ее прохождение в Сенате подавляющим большинством голосов говорит об остроте реакции американцев на ущемление прав верующих в России.

Не менее важно и то, что большинство религиозных групп в самой России (хотя и представляющие явное меньшинство ее населения) выступили против нового закона. Баптисты, пятидесятники и адвентисты направили в Государственную Думу совместное письмо, осуждающее этот закон. В начале сентября, когда угроза того, что Дума преодолет вето президента, стала реальной, многие лидеры религиозных меньшинств подписали документ, в котором выразили свое согласие с компромиссным вариантом закона еще до того, как ознакомились с его положениями. Когда же “компромиссный” вариант был, наконец, опубликован, им пришлось в срочном порядке отзывать свои подписи, ибо стало очевидно, что ради достижения этого компромисса были принесены в жертву многие фундаментальные принципы свободы вероисповедания.

Неправительственные организации также возражали против принятия Закона. К примеру, Четвертый Всемирный конгресс Международной ассоциации свободы вероисповедания, в котором принимали участие религиозные лидеры, представители правительств и эксперты по свободе вероисповедания самых разных конфессий из более чем тридцати стран, принял резолюцию, призывающую не допустить вступления в силу этого законодательного акта. Московский Хельсинский комитет организовал пресс-конференцию, посвященную нарушениям прав человека в связи с принятием Закона. Серьезной критике Закон подвергся также и со стороны двух базирующихся в Москве организаций, Христианского юридического центра и Института религии и права.

С практической точки зрения куда существеннее нынешняя тенденция законодателей и чиновников решать все возникающие в связи с религией проблемы путем ужесточения регистрационных процедур и контроля за религиозными группами. Вероятно, это вполне естественно для государства, где религиозная сфера традиционно подлежала жесткому регулированию. Однако на практике такой подход приводит к своеобразной “презумпции виновности” в вопросе регистрации религиозных групп, что, с одной стороны, сильно усложняет жизнь законопослушным верующим, а с другой, мало что дает в плане борьбы с потенциальными “нарушителями”. Последние, скорее всего, попросту уйдут в подполье либо найдут иной способ избежать регистрации, а все бремя бюрократических процедур ляжет на плечи тех, кто и без того не собирался нарушать закон.

Другим примером живучести старых представлений о том, как следует обращаться с религиозными группами, может послужить принципиальное различие в самом подходе к регистрационному законодательству в России и США. Как в России, так и в отдельных штатах США действуют законы, регламентирующие процесс создания религиозных объединений и приобретения ими статуса юридического лица. На первый взгляд, законы эти во многом схожи. И в том, и в другом случае они включают в себя основополагающие требования к организациям, желающим приобрести статус юридического лица, список того, что должно быть отражено в уставных документах, процедуру оформления этих документов, основания для ликвидации объединений и так далее. Однако в Соединенных Штатах подобное законодательство рассчитано на то, чтобы максимально стимулировать религиозную деятельность путем создания гибкой системы регистрации, которой легко может воспользоваться любая организация, дабы с большим успехом осуществлять свою религиозную миссию. В России же (как, впрочем, и во многих других странах Восточной Европы) такие законы рассматриваются прежде всего как средство усиления контроля за религиозными объединениями, а также как барьер, препятствующий приобретению статуса юридического лица “неблагонадежными” группами.

На практике это различие выражается в том, что в США, как и в большинстве других западных стран, приобрести такой статус можно без особых затрат времени и сил. В случае каких-либо нарушений к организации применяются соответствующие санкции (но только после того, как эти нарушения имели место); это может быть, к примеру, лишение налоговых льгот, либо разбирательство в гражданском суде, либо, при наличии серьезных на то оснований, возбуждение уголовного дела. Как следствие, законопослушные организации могут спокойно осуществлять свою деятельность, им не приходится “отдуваться” за чужие грехи.

Как бы то ни было, с нынешним законодательством придется считаться, по крайней мере пока жалобы “заинтересованных лиц” не дойдут до Конституционного Суда либо Европейского суда по правам человека в Страсбурге или пока огрехи самого законодательства не станут настолько очевидны, что это повлечет за собой пересмотр тех или иных его положений.

II. Краткий обзор Закона в целом

Новый Закон ограничивает права религиозных организаций, возникших уже в посткоммунистический период, вводит новые и весьма расплывчатые критерии оценки “приемлемости” религиозных верований, налагает ограничения на деятельность “иностраных” религиозных организаций и лиц, не обладающих российским гражданством, и в целом представляет собой шаг назад по сравнению с законом 1990 года, который он призван заменить. Как следствие, он задним числом ограничивает юридические права многих уже зарегистрированных религиозных организаций. В этом отношении он явно не соответствует принципам и идеям, сформулированным в Конституции Российской Федерации 1993 года, а также в международных договорах и обязательствах России, которые являются составной частью ее правовой системы согласно статье 15, пункту 4 нынешней Конституции.

В частности, поскольку практически вся глава III Закона (статьи 15 – 24) посвящена “Правам и условиям деятельности религиозных организаций”, отказ в предоставлении статуса “организации” (из-за 15-летнего срока или на любом другом основании) автоматически лишает религиозную группу права заниматься различными видами деятельности, перечисленными в главе III (равно как и в других разделах Закона, где статус “организации” играет ключевую роль). Беглого взгляда на этот перечень вполне достаточно, чтобы прийти к заключению о крайней важности большинства из этих видов деятельности для нормальной жизни религиозной общины, а стало быть, запрет на такого рода деятельность являет собой прямое нарушение права на свободу вероисповедания.

Вот, к примеру, статья 15 защищает право религиозной организации на самостоятельность в своих внутренних делах. Статья 16 провозглашает право религиозных организаций беспрепятственно основывать культовые здания и сооружения, а также право проводить религиозные обряды за пределами таковых, например, в больницах и прочих лечебных учреждениях, домах для престарелых и инвалидов и в местах лишения свободы. В статье 17 говорится о праве религиозных организаций “производить, приобретать, экспортировать, импортировать и распространять” религиозную литературу, прочие информационные материалы и иные предметы религиозного назначения. Там указано также, что вся эта продукция должна иметь “маркировку с официальным полным наименованием данной религиозной организации”. Статья 18 предоставляет религиозным организациям право

осуществлять благотворительную деятельность. Статья 19 предусматривает возможность создания учреждений профессионального религиозного образования, необходимых для подготовки служителей и религиозного персонала. Статья 20 охватывает “международные связи и контакты”, имеющие особую важность для религиозных групп, которые приглашают иностранцев для обучения верующих, отправления церковных обрядов, а также для помощи в распространении религиозных верований данной конкретной группы. Статьи 21 и 22 посвящены имущественным правам (опять же религиозных организаций). Статья 23 разрешает религиозным организациям создавать собственные предприятия в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации.

III. Постатейный анализ Закона

Далее, по завершении общего обзора, мы переходим к более детальному анализу ключевых положений Закона. Как уже говорилось, наши усилия были направлены не на составление подробного комментария к Закону, а на анализ и оценку тех его положений, что вызвали наибольшую обеспокоенность общественности.

A. Преамбула

Несмотря на то, что преамбула не имеет “самостоятельной нормативной силы”, вокруг ее формулировки в ходе думских дебатов было сломано немало копий. Борьба шла, по сути дела, за расстановку акцентов. Русская православная церковь настаивала на том, что в преамбуле должна быть отражена “особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры”. Само по себе это утверждение является бесспорным историческим фактом и немногим отличается от положений конституций целого ряда стран, где признается особое место той или иной религии в их историческом и культурном наследии. Более того, эта формулировка значительно мягче той, что присутствовала в первоначальной, июньской версии преамбулы, где православие объявлялось “неотъемлемой частью всероссийского исторического, духовного и культурного наследия” и говорилось об уважении “к исламу с его миллионами приверженцев, а также к буддизму, иудаизму и другим религиям, традиционно существовавшим в Российской Федерации”. В окончательном варианте преамбулы речь идет лишь о большом вкладе православия в российскую историю и культуру, а не о провозглашении его “неотъемлемой частью” этой культуры. Ранее высказывались опасения, что привилегированный статус Православной церкви может быть обозначен в Законе более категорично.

Не менее важно и то, что в окончательной версии преамбулы появилось упоминание о христианстве. В прежнем варианте такое упоминание отсутствовало, там речь шла только о православии. Новая формулировка заключает в себе признание того факта, что и многие другие направления в христианстве составляют “неотъемлемую часть” российского исторического наследия. Далее, в окончательном варианте преамбулы фраза “и другие религии, традиционно существовавшие в России” заменена на просто “и другие религии”. Тем самым подчеркивается равноправие всех форм религиозной жизни, существующих в современной России. В целом следует отметить, что переработанная преамбула стала значительно демократичнее и ее тезисы формально не ущемляют прав религиозных меньшинств. Однако остается другая проблема: хотя преамбула не содержит прямых указаний на привилегированное положение той или иной религии, те, кто склонен толковать Закон без должной юридической точности, могут воспользоваться ею для предоставления “особых” льгот Русской православной церкви или иным традиционным религиям, причем льгот, юридически необоснованных.

B. Статьи 1 и 2: Предмет регулирования и нормативная база

Сфера применения Закона чрезвычайно широка. Он регулирует “правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений”. Он также обладает статусом “верховного” закона в данной области в пределах юрисдикции Российской Федерации; выше его только Конституция РФ и международные договоры. Если местное законодательство противоречит этому федеральному закону, преимущественную силу имеет федеральный закон⁷⁷. В пункте 2.3 подчеркивается, что “ничто в законодательстве о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях не должно истолковываться в смысле умаления или ущемления прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, гарантированных Конституцией РФ или вытекающих из международных договоров РФ”. Таким образом, речь идет не только о гражданах РФ, но и о тех, кто таковыми не являются. Закон, следовательно, не должен истолковываться и в смысле ограничения прав религиозных объединений, которые, согласно статье 14 российской Конституции, “отделены от государства и равны перед законом”.

Разумеется, в том, что в федеральном государстве религиозные вопросы передаются в ведение местных органов власти, нет ничего необычного; более того, о такой возможности говорится и в российской Конституции. Вся проблема в том, что за последние несколько лет на местном уровне было принято множество законодательных

актов откровенно антизападной и антимииссионерской направленности, которые к тому же входят в противоречие как с Конституцией РФ, так и с ее международными обязательствами. Поэтому, когда дело касается прав человека в данной области, федеральное законодательство способно защитить их гораздо эффективнее, нежели местное. Впрочем, статья 2 Закона содержит достаточно действенные гарантии против ущемления прав и свобод верующих на местном и региональном уровнях. Согласно определению Верховного суда Удмуртской Республики, вынесенному по поводу принятого в Удмуртии закона о религиозных организациях, местные законы являются конституционными лишь в том случае, если они расширяют права граждан, а не ограничивают их. Иными словами, права, оговоренные в Законе и иных федеральных нормативных актах, обладают преимущественной силой по отношению к местному законодательству.

С. Статья 3: свобода совести и свобода вероисповедания

Статью 3 можно считать ключевой статьей всего Закона, ибо в ней провозглашается право всех и каждого на свободу вероисповедания. В первом предложении пункта 3.1 подтверждаются гарантии свободы совести и свободы вероисповедания, содержащиеся в статье 28 Конституции РФ. Второе предложение пункта 3.1 гарантирует право на свободу совести и свободу вероисповедания “наравне с гражданами Российской Федерации” “иностранным гражданам и лицам без гражданства, законно находящимся” в России.

Формулировки пункта 3.1 в целом соответствуют формулировкам статьи 62 (3) российской Конституции, за исключением оговорки, что равные с гражданами РФ права предоставляются только тем, кто “законно находится” в стране. В Законе далее подчеркивается, что наряду с равными правами иностранные граждане и лица без гражданства несут и равную ответственность за “нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях”. Это положение чрезвычайно важно, ибо в соответствии с ним иностранцы и лица без гражданства пользуются теми же правами, что и российские граждане, во всех случаях, кроме специально оговоренных законом. Таким образом, как это и предусмотрено основополагающими международными документами в области прав человека и статьей 28 российской Конституции, свобода вероисповедания гарантируется “всем без исключения”. Иными словами, речь идет о признании того, что право на свободу вероисповедания относится к числу “прирожденных” прав человека, то есть прав, которые принадлежат ему независимо от политики государства в данном вопросе. При этом, однако, другие разделы Закона содержат весьма существенное ограничение этого права, а именно, что лица без российского гражданства не могут создавать религиозные организации, хотя после того, как организация учреждена, им вроде бы дозволяется вступать в нее наравне с гражданами РФ.

В пункте 3.2 разъясняется, что право на свободу вероисповедания может быть ограничено “только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства”. В “Комментарии Себенцова” утверждается, что такая формулировка “соответствует международным правовым обязательствам” и что на ней основаны разного рода требования, предусмотренные Законом в части создания религиозных организаций, “открытия представительства иностранной религиозной организации”, а также ликвидации религиозного объединения или запрета на его деятельность. На самом же деле данная формулировка выходит за рамки допустимых ограничений свободы вероисповедания сразу в трех ключевых аспектах. Для большей наглядности имеет смысл сравнить ее с формулировкой статьи 9 (2) Европейской конвенции, уже ратифицированной Государственной Думой РФ:

Свободное проявление религиозных верований может быть ограничено только в той мере, в какой это предписано законом и необходимо в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, в целях защиты общественного порядка, здоровья, нравственности, прав и свобод других лиц.

На первый взгляд две эти формулировки весьма схожи, однако малосущественные, казалось бы, различия между ними могут иметь крайне важные практические последствия. Во-первых, обратите внимание, что в статье 9 Европейской конвенции (в отличие от пункта 3.2 Закона) речь идет лишь об ограничении “проявления религиозных верований”. Внутренняя свобода вероисповедания, включая право менять вероисповедание, никакому регулированию не подлежит. Напротив, в российском Законе ограничения распространяются на свободу вероисповедания вообще.

Во-вторых, в российском Законе говорится, что свобода вероисповедания может быть ограничена в целях защиты “нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина”, после чего добавляются еще два основания для ограничения свободы вероисповедания, “защита основ конституционного строя” и “обеспечение обороны страны и безопасности государства”. В принципе эти основания не являются недопустимыми, однако крайне важно отметить принципиальное различие в том, как они трактуются в Законе и в Европейской конвенции (а также в статье 18 Международного пакта о гражданских и политических правах, в равной мере обязательного для России). В российском варианте они рассматриваются как самостоятельные

основания для ограничения прав и свобод граждан. В то же время, согласно международным формулировкам, любые ограничения свободы вероисповедания в целях защиты нравственности, здоровья и прав других лиц могут вводиться лишь при том дополнительном условии, что они “предписаны законом и необходимы в демократическом обществе”.

Это дополнительное условие, ставящее предел допустимым ограничениям свободы вероисповедания, играет очень важную роль в практике Европейского суда по правам человека в Страсбурге. К примеру, Европейский суд постановил, что фраза “предписано законом” “относится не только к внутренним законам той или иной страны, но и предполагает определенное качество этих законов, а именно их соответствие принципу господства права, о чем ясно говорится в преамбуле к Конвенции”. Иными словами, ограничения, произвольно налагаемые государственными органами, не подпадают под эту формулировку лишь на том основании, что они облакаются в форму законодательных актов. Что еще важнее, условие “необходимости в демократическом обществе” должно толковаться в том смысле, что любое ограничение свободы вероисповедания предполагает наличие “настоятельной общественной необходимости” и должно быть “соразмерно преследуемой законной цели”. Хотя государства, подписавшие Конвенцию, до определенной степени сохраняют за собой право решать, как эти положения следует применять в условиях той или иной страны, ограничение столь фундаментального права, как свобода вероисповедания, в любом случае не должно быть большим, чем это необходимо, а характер такого ограничения должен быть как можно менее навязчивым.

Таким образом, в соответствии с Европейской конвенцией, ограничения свободы вероисповедания, предусмотренные Законом 1997 года, вроде “правила пятнадцати лет” или разного рода оснований для ликвидации и запрета религиозных групп (статья 14), нуждаются в куда более веском обосновании, нежели простое указание на то, что они необходимы для защиты здоровья, нравственности или чьих-то законных прав и интересов. Требуется еще и доказать, что данные ограничения действительно “необходимы в демократическом обществе”. А сделать это не так-то просто, особенно в отношении таких ограничений, как “правило пятнадцати лет” (статья 9), которое явно не считается “необходимым” в других демократических обществах, поскольку в их законодательстве подобные ограничения попросту отсутствуют. Более того, остается неясной, о какой именно “настоятельной общественной необходимости” в данном случае идет речь и почему реагировать на эту “необходимость” нужно введением 15-летнего “испытательного срока” для религиозных организаций, а не принятием соответствующего уголовного либо административного законодательства.

Наконец, третье существенное расхождение пункта 3.2 с международными стандартами связано с понятием “национальной безопасности”, ради которой также допускается ограничение свободы вероисповедания. Вряд ли кто-либо усомнится в том, что определенные действия, непосредственно угрожающие демократическим институтам общества, могут послужить основанием для санкций против лица, их совершающего, даже если эти действия религиозно мотивированы. Однако в тех случаях, когда религиозная деятельность физического лица или группы лиц сама по себе такой угрозы не представляет, никаким ограничениям она не подлежит. Что характерно, статья 18 Международного пакта о гражданских и политических правах относит свободу вероисповедания к числу прав, которые не подлежат ограничению даже в условиях чрезвычайного положения. Хотя в Европейской конвенции этот вопрос трактуется не столь однозначно, все же на практике свобода вероисповедания также причисляется ею к категории “неотъемлемых” прав, так как в статье 15 (1) специально оговаривается, что любые мероприятия государства в условиях военного либо чрезвычайного положения не должны “противоречить его международным правовым обязательствам”. Пункт 3.2 российского Закона слишком легко может быть использован как предлог для ограничения свободы вероисповедания в свете межконфессиональных противоречий постсоветского периода. К примеру, этнический состав населения таких мусульманских республик, как Дагестан, Калмыкия или Чечня, может послужить основанием для запрета деятельности в этих республиках, скажем, протестантов из соображений “безопасности”, поскольку они могут подвергнуться нападениям со стороны исламских фундаменталистов. Разумеется, это серьезная проблема, однако ее нельзя решать за счет ущемления права граждан на свободу вероисповедания.

В общем и целом следует признать, что Закон 1997 года содержит более широкие ограничения свободы вероисповедания, чем это допускается международными правовыми обязательствами России. Тем не менее, необходимо учитывать и то обстоятельство, что, как уже отмечалось при анализе статьи 2, обязательства России по Международному пакту о гражданских и политических правах и Европейской конвенции являются частью ее правовой системы, а стало быть, по крайней мере теоретически, должны препятствовать любым неоправданным покушениям на свободу вероисповедания. Нам еще предстоит увидеть, сумеют ли правоприменяющие органы “вписать” наиболее спорные положения Закона в прокрустово ложе международных правовых норм.

Пункт 3.5 заверяет, что никто не обязан сообщать кому бы то ни было о своей вере или отношении к религии (так называемая “негативная конфессиональная свобода”), никто не может подвергаться принуждению при определении своего отношения к религии, к исповеданию или отказу от исповедания религии, к участию или

неучастию в богослужениях, других религиозных обрядах, в деятельности религиозных объединений, в обучении религии. В целом этот пункт возражений не вызывает. Себенцов уточняет, что право граждан сохранять в тайне свои религиозные взгляды не исключает права государства в некоторых ситуациях, как, например, при решении вопроса об альтернативной службе, требовать предоставления сведений, от которых зависит принятие решения.

Некоторое беспокойство в связи с данным пунктом может вызвать разве что его применение в отношении миссионеров. К примеру, в известном деле “Коккинакис против Греции”, которое рассматривал Европейский суд по правам человека, дебаты развернулись вокруг толкования статьи 9 (посвященной свободе вероисповедания) Европейской конвенции. С точки зрения греческих властей, действия одного из Свидетелей Иеговы, заключавшиеся в том, что он ходил по домам и пытался обратить в свою веру соседей, содержали в себе элемент принуждения, а стало быть, были противозаконными. В “Комментарии Себенцова” ничего не говорится о том, как формулировка пункта 3.5 будет применяться в подобных ситуациях. В деле Коккинакиса Европейский суд признал, что в особых случаях, когда миссионеры прибегают к насилию, мошенничеству или обману, государство вправе принимать адекватные меры, однако при этом со всей определенностью дал понять, что закон, объявляющий преступлением обычную миссионерскую деятельность типа хождения по домам Свидетелей Иеговы, нарушает право на свободу вероисповедания, гарантированное статьей 9 Европейской конвенции. Что же касается религиозной пропаганды в общественных местах, скажем, на площади или улице, то оспорить ее правомерность будет, пожалуй, еще сложнее, нежели правомерность “визитов” на дом, как в деле Коккинакиса. Таким образом, если только пункт 3.5 не будет толковаться чересчур “запретительно”, с намерением ограничить право верующих “открыто провозглашать свою веру”, его первое предложение можно считать вполне приемлемым.

Мы также исходим из того, что родительские права такого рода должны уважаться, особенно если их использование не связано с насилием или подавлением личности ребенка и если родители, говоря словами Конвенции прав ребенка, “осуществляют руководство ребенком в процессе осознания им собственных прав (на свободу мысли, совести и вероисповедания) так, чтобы это согласовывалось с его развивающимися способностями”¹²⁴. Обеспокоенность тут вызывают два основных момента. Первый и наиболее важный – это ситуация, когда родители исповедуют разную веру. В таких случаях религиозные объединения не должны нести ответственности за “вовлечение” ребенка или за “обучение его религии” без согласия родителей, если один из родителей согласен. Один из родителей не должен обладать “правом вето” на обучение ребенка религиозным взглядам другого родителя (разумеется, при согласии самого ребенка), ну а религиозная организация уж во всяком случае не подлежит ответственности за то, что пошла навстречу пожеланиям одного из родителей и взялась обучать ребенка своей религии. Более того, вряд ли государству подобает вмешиваться в дела семьи и требовать от родителей формального подтверждения их согласия, по крайней мере если сам ребенок не возражает против такого обучения. Второй момент связан с неясностью такого понятия, как “вовлечение малолетних”. Можно ли обвинить религиозную группу в “вовлечении малолетних” лишь на том основании, что ее программа обладает притягательной силой для малолетних, хотя они не принимают никакого участия в деятельности и мероприятиях данного объединения? Конечно, нет. А представьте себе ситуацию, когда религиозная группа проводит большое мероприятие, и кто-то из детей верующих приводит с собой малолетнего приятеля, не исповедующего данную веру. Что, если во время такого мероприятия оратор излагает основные постулаты вероучения, а неизвестный “приятель” внимательно его слушает? Очевидно, что подобные ситуации не должны расцениваться как нарушение пункта 3.5 Закона. Избежать их при всем желании не смогут даже самые законопослушные религиозные организации. Истинная цель данного пункта, и это должно быть разъяснено в правилах его применения, состоит в том, чтобы не допустить обращения ребенка в ту или иную веру без согласия по крайней мере одного из родителей, несущего за него юридическую и моральную ответственность. В связи с положениями пункта 3.5 возникает и проблема чрезмерного рвения чиновников на местах. Иные из них стали требовать письменного разрешения родителей на участие малолетних в религиозных церемониях или программах обучения. Это создает дополнительные проблемы, главным образом, тем религиозным объединениям, что были созданы сравнительно недавно.

В пункте 3.6 делается попытка оградить чувства верующих от каких бы то ни было посягательств¹²⁵. В частности, данный пункт запрещает “умышленное оскорбление” религиозных чувств граждан (наряду с нанесением более осязаемого ущерба – уничтожением или повреждением имущества, насилием над личностью и так далее). Также запрещается “проведение публичных мероприятий, размещение текстов и изображений, оскорбляющих религиозные чувства граждан, вблизи объектов религиозного почитания”. Следует признать, что в стране, где за последние десять лет неоднократно имели место антирелигиозные демонстрации, причем в непосредственной близости от “объектов религиозного почитания”, подобные формулировки не лишены смысла. Однако возникают и вполне обоснованные опасения, что при слишком широком толковании положений данного пункта он может стать причиной серьезных нарушений не только права граждан на свободу вероисповедания, но и более общего их права на свободу самовыражения.

Из всего вышесказанного следует вполне очевидный вывод: правовая система не может, да и не должна удовлетворять в судебном порядке любые претензии, порожаемые чрезмерной “религиозной чувствительностью” граждан. Правовая система должна защищать свободу самовыражения и поощрять веротерпимость, а вмешиваться ей следует только в тех случаях, когда нанесенное оскорбление угрожает общественному порядку. В целом же государству и обществу следует помнить, что отвечать на слова, пусть и обидные, лучше всего словами, а не судебными исками.

В пункте 3.7 речь идет о тайне исповеди. Сам по себе этот пункт возражений не вызывает, разве что он не учитывает некоторые различия, существующие в этом вопросе между разными конфессиями. Многие протестантские течения, к примеру, не признают исповедь как таковую, и тем не менее пастор может общаться со своими единоверцами в обстановке, предполагающей особую доверительность и конфиденциальность. Информация, полученная им в ходе таких бесед, также не подлежит разглашению, хотя формально прихожанин “не исповедовался”.

Д. Статья 4: Светское государство, равенство религиозных объединений и отделение церкви от государства

Статья 4 развивает положения статьи 14 Конституции РФ. В пункте 4.1 фактически воспроизведен текст статьи 14 Конституции, где говорится о светском государстве, об отделении церкви от государства и о равенстве религиозных объединений. Первый пункт статьи 14 гласит: “Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной”. Это чрезвычайно важное положение, и в этом плане конституционный строй России отличается от того, что существует во многих других европейских странах, где все еще сохраняется государственная церковь либо поощряется сотрудничество церкви и государства. Пункт 4.1 Закона включает в себя формулировку статьи 14 (2) российской Конституции: “Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом”. Обратите внимание, что здесь подчеркивается равенство перед законом именно “объединений”, а не “организаций”. “Объединение” – это более широкая категория, охватывающая группы, “организации с ограниченными правами” и полноправные организации. Одно из главных противоречий Закона как раз и состоит в несовместимости этой формулировки, перенесенной в него из статьи 14 Конституции, с явным неравенством различных видов религиозных объединений перед данным конкретным Законом.

В “Комментарии Себенцова” утверждается, что это положение гарантирует “полную свободу религиозных организаций в канонических, культовых и организационных вопросах, в пропаганде своего вероучения, в религиозном обучении и воспитании своих последователей, в благотворительной деятельности и оказании других социальных услуг, а также в решении вопросов найма персонала и обустройства внутренней жизни религиозных групп и организаций”.

Пункт 4.3 подчеркивает равенство граждан и религиозных объединений перед настоящим Законом. Кроме того, этот пункт предусматривает налоговые льготы религиозным организациям и оказание им финансовой, материальной и иной помощи в “светских” делах, в частности, помощь в реставрации и содержании памятников истории и культуры, а также в обеспечении преподавания общеобразовательных дисциплин в образовательных учреждениях, созданных религиозными организациями. Речь здесь идет о том, что принцип отделения церкви от государства (пункт 4.2) не должен истолковываться в том смысле, будто бы верующие лишаются социальной поддержки государства, доступной их “светским” согражданам. В “Комментарии Себенцова” отмечается, что видами помощи, перечисленными в пункте 4.3, “обязательства государства по части поддержки религиозных организаций в основном исчерпываются”. Хотя Закон и не содержит категорического запрета на иные виды такой поддержки, “отделение религиозных организаций от государства означает, что они должны самостоятельно изыскивать средства для своего существования. Помощь государства религиозным организациям является актом нравственного искупления его вины и компенсацией ущерба, причиненного церкви за долгие годы атеистических гонений”.

Пункт 4.4 гласит, что “деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления не сопровождается публичными религиозными обрядами и церемониями”. Себенцов характеризует это положение как “четко разделяющее прерогативы институтов государственной власти, муниципальных властей и религиозных организаций, препятствующее клерикализации государственного управления и вовлечению религиозных организаций в политику”. “Препятствование клерикализации”, по всей видимости, и является основным смыслом пункта 4.4. Судя по его практическому применению, данный пункт не запрещает религиозным деятелям принимать участие в общественных мероприятиях светского характера. В то же время государство демонстрирует твердое намерение не допустить “клерикализации” государственного управления и общеобразовательной системы.

Е. Статья 5: Религиозное образование

В некотором смысле статья 5, посвященная религиозному образованию, находится не на своем месте, поскольку логически ее следовало бы включить в главу III Закона, где регламентируется деятельность религиозных организаций. Вне всякого сомнения, включение статьи 5 в раздел “общих положений” главы I призвано было подчеркнуть ключевую роль религиозного образования в жизни любого религиозного объединения. Учитывалась, по всей видимости, и многолетняя традиция гонений на религию в советский период. В те времена считалось противозаконным обучать религии не только в школе, но и на дому. Этот печальный опыт лишний раз засвидетельствовал, что право на получение религиозного образования является важной и неотъемлемой частью свободы вероисповедания, обеспечивающей связь поколений приверженцев данного вероучения.

В пункте 5.1 провозглашается, что “каждый имеет право на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими”. Это положение отменяет все запреты в области религиозного образования, введенные в советскую эпоху. Пункт 5.2 подтверждает право родителей на воспитание и образование своих детей “с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания”. В пункте 5.3 говорится о праве религиозных организаций создавать образовательные учреждения, тем самым узаконивается частное религиозно ориентированное образование. Правда, возникает некоторая несогласованность между возрастом, в котором ребенок обретает право самостоятельно определять свое отношение к религии (четырнадцать лет), и возрастом, когда родители утрачивают право контроля за его образованием (восемнадцать лет).

Наконец, пунктом 5.4 допускается ограниченное религиозное образование в государственных и муниципальных образовательных учреждениях при условии, что родители обратятся с просьбой организовать такое обучение “вне рамок образовательной программы”. Как объясняется в “Комментарии Себенцова”, идея здесь в том, чтобы в принципе разрешить преподавание религии в светских учебных заведениях, но при этом обеспечить отделение церкви от государства путем “его (преподавания) организации не государственным или муниципальным образовательным учреждением, а самим религиозным объединением”. Короче говоря, если родители, ребенок, школьная администрация и “соответствующий орган местного самоуправления” достигнут согласия по данному вопросу, учебное заведение может предоставить помещение для такого рода занятий. Себенцов подчеркивает, что отношения между школой и религиозной организацией, проводящей такие занятия, должны носить договорный характер, при этом в договоре должны оговариваться такие моменты, как порядок использования помещений и имущества школы, взаимные обязательства сторон и ряд других вопросов, включая требования к здоровью преподавателей, присылаемых религиозной организацией.

Вызывает беспокойство то обстоятельство, что Закон не содержит каких-либо гарантий равного доступа религиозных организаций в общеобразовательные учреждения. Теоретически такие гарантии должны были бы вытекать из положений статьи 3, где говорится о равенстве религиозных организаций перед законом. Однако на практике разрешения, скорее всего, будут выдаваться крупным религиозным объединениям в ущерб религиозным меньшинствам. Себенцов признает наличие определенного противоречия между пунктами 5.4 и 4.2 в вопросе об отделении церкви от государства. В действительности же реальность такова, что большинству религиозных организаций попросту негде обучать детей своему вероучению. Поэтому Себенцов предлагает местным органам власти при решении вопроса о допуске той или иной организации в школу учитывать, располагает ли она другим помещением для занятий с детьми.

Ф. Глава II: Закон о религиозных объединениях

Статьи с шестой по четырнадцатую образуют главу II Закона и содержат основные положения нового российского закона о религиозных объединениях. Уже упоминавшиеся выше “Проект свода правил”, “Правила регистрации иностранных представительств” и “Контрольная директива” разъясняют и истолковывают именно этот раздел Закона. Далее мы попытаемся разобраться, в какой мере эти документы способствуют разрешению проблем, возникающих в связи с положениями главы II, чьи формулировки у многих вызывают опасения за свободу вероисповедания в России.

Пожалуй, главное из этих опасений состоит в том, что бюрократические структуры, призванные осуществлять контроль за деятельностью религиозных объединений, со временем могут превратиться в некое подобие печальной памяти Совета по делам религий советских времен. Такая опасность существует как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях, поскольку региональное законодательство предусматривает создание подобных структур на местах. Закон 1990 года содержал положение, исключавшее такую возможность: “На территории РСФСР не могут создаваться исполнительные или административные органы государственной власти и государственные должности, специально предназначенные для решения вопросов, связанных с осуществлением права граждан на свободу вероисповедания”. В Законе 1997 года аналогичное положение отсутствует. Более того, в “Проект свода правил” включен проект специальной резолюции “Относительно процедуры запроса официального мнения специалистов в области религии”. Эта резолюция и прилагаемые к ней инструкции предусматривают создание “Экспертного совета при Правительственной комиссии

Российской Федерации по вопросам, связанным с религиозными объединениями” (“Федерального экспертного совета”) и соответствующих органов на уровне субъектов федерации. Эти советы будут представлять “официальное мнение специалистов в области религии по запросу государственных органов, осуществляющих регистрацию религиозных организаций”. Как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов федерации экспертный совет: будет состоять из председателя, исполнительного секретаря и постоянных членов. В состав экспертного совета должны входить специалисты в области религиозных учений, истории религии, взаимоотношений между государством и религиозными объединениями, юриспруденции и права. При вынесении советом суждения по поводу вероучения того или иного религиозного объединения представители зарегистрированных религиозных организаций могут привлекаться в качестве консультантов без права участия в голосовании.

В случае, если на региональном или местном уровне провести подобную экспертизу не представляется возможным, регистрирующий орган сможет обратиться с запросом в Федеральный экспертный совет. “Официальное мнение специалистов в области религии” должно быть передано приславшему запрос регистрирующему органу в течение трех месяцев.

По всей видимости, подобные советы призваны консультировать органы юстиции, занимающиеся регистрацией религиозных объединений, когда у тех возникают сомнения в связи с какими-то аспектами вероучения данной организации или ее деятельностью (в прошлом или в будущем). Полномочия Федерального экспертного совета пока что неясны. Скорее всего, он будет функционировать аналогично “Экспертно-консультационному совету при Комитете Верховного Совета РСФСР по свободе совести, религии, благотворительности и филантропии”, чье создание было предусмотрено Законом 1990 года – то есть в качестве консультативного органа, своего рода источника информации для тех, кто регистрирует религиозные организации. Если его роль будет сугубо информационной, никаких проблем не возникнет. Однако, если данный орган, а это почти наверняка произойдет, станет давать оценку религиозным группам, объявляя иные группы “опасными” либо не подлежащими регистрации по иным причинам, он вполне может превратиться в общенационального цензора, “отсеивающего” нежелательные религиозные идеи. В таком случае его деятельность войдет в прямое противоречие с самим принципом свободы вероисповедания, как она трактуется и настоящим Законом, и российской Конституцией, и международным правом.

В этой связи серьезную озабоченность вызывает тезис о том, что экспертный совет должен будет выносить “суждение по поводу вероучения того или иного религиозного объединения”. Это суждение или мнение совета должно быть одобрено двумя третями его постоянных членов, подписано председателем и исполнительным секретарем совета, после чего оно направляется соответствующему регистрирующему органу в форме экспертного заключения. Такое экспертное заключение “обладает рекомендательной силой и используется регистрирующим органом в качестве аргумента при принятии решения о регистрации данной религиозной организации, а также при рассмотрении апелляции на отказ в регистрации...”. Ясно, что экспертное заключение станет для регистрирующего органа весьма веским “аргументом”. Более того, если регистрирующий орган на основе подобного заключения откажет какой-либо организации в регистрации, суд, как это обычно бывает, отнесется к “мнению” экспертов с не меньшим пиететом, и апелляция, скорее всего, будет отклонена. В инструкциях к резолюции ничего не говорится о том, что эксперты не должны основывать свое решение на субъективной оценке религиозных взглядов данного объединения. Не предусмотрено и возможности участия представителей заинтересованной организации в заседании экспертного совета, дабы они могли оспорить выводы или мнения, которые считают ошибочными. Нет никаких гарантий того, что в состав совета войдут нейтральные в религиозном отношении специалисты. Скорее всего, такой совет будет состоять, главным образом, из представителей преобладающей культуры, многие из которых занимались “религиозными учениями” еще в советскую эпоху. От подобного состава вряд ли можно ожидать должной терпимости к взглядам, противоречащим их собственным. Далее, даже если положение, что “использование экспертного заключения в целях, не оговоренных настоящей инструкцией, запрещается”, будет строго соблюдаться, выводы совета могут стать достоянием гласности. В этом случае репутация данной религиозной группы может сильно пострадать, особенно если совет отнесся к ней с предубеждением или пользовался неверными сведениями.

Похожие опасения вызывает и “Контрольная директива”. Из нее вытекает, что Министерству юстиции, которое раньше просто регистрировало организации и оставляло их в покое, если только на них никто не жаловался, отныне вменяется в обязанность следить за их деятельностью, дабы быть в курсе любых возможных нарушений. Хотя “Директива” содержит ряд весьма либеральных толкований разных статей Закона, в целом она предназначается для информирования местных властей о необходимости присматривать за религиозными объединениями, “чтобы обеспечить строгое соблюдение ими Конституции РФ и действующего законодательства и своевременно пресекать любые нарушения законности со стороны религиозных организаций”.

Большой частью предлагаемые методы такого “присмотра” вполне разумны. Документ включает раздел

“вопросов и ответов”, где разъясняются некоторые расплывчатые формулировки и снимается ряд проблем, связанных с Законом. Все дело в том, что авторы “Директивы” упускают из виду главное: слежка за религиозными организациями осложняет им жизнь вне зависимости от применяемых методов, а посему прибегать к ней следует лишь в особых случаях, когда у властей имеются веские основания для подозрений. В “Директиве” же, напротив, с самого начала указывается, что новый Закон “предоставляет органам юстиции, регистрирующим религиозные организации ... право осуществлять контроль за соблюдением этими религиозными организациями собственного устава”. Далее, в разделе “Процедуры контроля”, говорится, что проверки религиозных организаций могут проводиться “по инициативе регистрирующего органа” или при “наличии обстоятельств, требующих проверки”. Нехватка персонала, скорее всего, сведет такие проверки к минимуму, однако то, что предлагается, фактически развязывает властям руки, позволяя уделить особое внимание (и тем самым сильно усложнить жизнь) “непопулярным” организациям. В общих словах главный вопрос можно сформулировать следующим образом: в чем основное предназначение Закона – помочь религиозным организациям в их деятельности, наделив их статусом юридического лица, или, наоборот, установить за ними жесткий административный контроль? Ответ на этот вопрос будет зависеть от того, как положения Закона будут применяться на практике.

Г. Статья 6: Религиозные объединения

Согласно статье 6, все религиозные объединения в России имеют три основополагающие черты: 1) они являются добровольными объединениями; 2) они состоят из граждан и других лиц, “постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации”; 3) они образованы “в целях совместного исповедания и распространения веры” и обладают соответствующими этой цели признаками.

1. Добровольные объединения

В отличие от пункта 8.3, где указывается, что организация должна состоять не менее чем из десяти участников, достигших возраста восемнадцати лет, общие положения статьи 6 не оговаривают ни минимального возраста участников, ни их числа. Тем не менее, чтобы быть добровольным, объединению непременно нужно состоять из лиц, достигших возраста правоспособности (то есть 18 лет), а чтобы быть объединением, в нем должно быть не менее двух членов.

2. Постоянное и законное проживание участников

Как уже указывалось выше, Конституция РФ признает право на свободу вероисповедания за каждым, кто проживает на территории России. Новый Закон столь же недвусмысленно признает за “иными лицами” – то есть иностранцами и людьми без гражданства – право состоять в религиозном объединении. Но что одна рука дает, то другая отнимает: членами либо участниками объединения считаются только те, кто “постоянно и на законных основаниях проживает на территории Российской Федерации”. Стало быть, по Себенцову, “группа туристов не может иметь статус религиозного объединения”. Туристы, разумеется, могут исповедовать свою религию в индивидуальном порядке, вольны принимать участие в любых религиозных обрядах и прочих мероприятиях российских религиозных объединений. Однако сами по себе, согласно российскому законодательству, они не являются даже религиозной группой, не говоря уж об организации. Или, если точнее, они не обладают юридическим статусом группы или объединения по российским законам. А так-то они, конечно, представляют собой группу физических лиц, которая, при наличии у них общего вероисповедания, вполне может считаться религиозной группой, но только не в соответствии с настоящим Законом.

В “Контрольной директиве” специально рассматривается вопрос, что конкретно имеется в виду под “постоянным и законным проживанием” в России. К “иным лицам”, о которых говорится в статье 6, относятся “иностранцы граждане и лица без гражданства”, а “постоянно и на законных основаниях проживающими” в стране они будут считаться в том случае, если получили соответствующее разрешение на постоянное проживание в Российской Федерации и имеют вид на жительство. На первый взгляд такая трактовка лишает иностранцев и людей без гражданства, временно находящихся в России, возможности стать членами религиозной группы, а это явное покушение на свободу вероисповедания.

Разумеется, подобное толкование статьи 6 представляется крайне маловероятным. Скорее всего, израильским туристам разрешат образовать группу в бытовом значении этого слова, которая фактически будет исполнять роль религиозной группы; просто эта группа не будет иметь юридического статуса, закрепленного за религиозными группами российским законодательством. Если придерживаться такого толкования (а оно вполне согласуется с тем, что говорится в других местах этого же документа о праве физических лиц исповедовать свою религию вне зависимости от их юридического статуса), то можно сделать общий вывод: даже лица, временно находящиеся в России, могут создавать религиозные группы, необходимые им для отправления религиозных обрядов, не нарушая при этом Закона. Иными словами, за ними сохраняется право исповедовать свою религию “в

индивидуальном порядке или совместно с другими, публично или конфиденциально...”, согласно требованиям статьи 18 (1) Международного пакта о гражданских и политических правах.

В то же самое время необходимо понимать и другое: если юридические структуры, предусмотренные законом для религиозных объединений, являются недостаточно гибкими либо малодоступными, это уже само по себе представляет угрозу для свободы вероисповедания. К примеру, если государственные чиновники, осознавая, что образование “естественной” группы (то есть неформального объединения физических лиц) имеет важное значение для ее членов с точки зрения их религии, тем не менее препятствуют этому (допустим, не разрешают двенадцати мужчинам совместно молиться или какому-то религиозному братству совершать свои обряды), то мы имеем дело с явным ущемлением прав этих людей. Более того, свобода вероисповедания страдает и от любых произвольных ограничений в плане деятельности религиозных объединений или обретения ими правового статуса. И в самом деле, если вы говорите религиозной группе, что она вправе исповедовать свое вероучение, но при этом, не являясь “организацией”, не имеет права пригласить иностранного священнослужителя, необходимого ей для отправления религиозных обрядов, то ваши представления о свободе вероисповедания следует признать весьма своеобразными. Точно так же дело обстоит и с пятнадцатилетним “испытательным сроком”. Не забудем и о том, что примерно двадцать миллионов человек никогда не смогут стать учредителями религиозной организации (или хотя бы группы, которая имеет шанс обрести статус юридического лица через пятнадцать лет), поскольку они не являются гражданами России, пусть даже они постоянно и на законных основаниях проживают в стране. Им придется действовать через подставных лиц. Итак, возвращаясь к требованию “постоянного и законного проживания”, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что при всей его внешней безобидности оно может стать весьма серьезным препятствием для обретения правового статуса религиозным сообществом, которое стремится расширить ряды своих приверженцев либо имеет группу последователей, желающих перебраться на новое место.

3. Религиозная цель

Третьей основополагающей чертой религиозной организации должен быть ее истинно религиозный характер. В пункте 6.1 перечислены три главных признака, которыми должно обладать объединение, претендующее на статус “религиозного”: (1) вероисповедание; (2) совершение богослужений, религиозных обрядов и церемоний; и (3) обучение религии и религиозное воспитание своих последователей. Признаки эти достаточно универсальны и охватывают самый широкий спектр вероучений, хотя выделены они, по всей видимости, на основании анализа характерных особенностей “традиционных” религий. Тем не менее, стоит отметить, что некоторые туземные культы могут и не иметь вероисповедания в традиционном смысле этого слова. Далее, некоторые течения, вроде “навигаторов” или “студенческого крестового похода за Христа”, не отвечают второму из признаков, поскольку не совершают богослужений и не придерживаются какого-то конкретного вероучения. Ну а что касается третьего признака, его можно толковать по-разному в зависимости от того, что понимать под словом “религия”.

Другими словами, если та или иная группа хочет, чтобы государство признало ее религиозным объединением, она должна как-то разъяснить ему (государству) основы своего вероучения, дабы государство могло определить место этого объединения в ряду прочих религиозных течений.

В отношении большинства традиционных вероучений такое требование представляется вполне разумным, однако оно может затруднить регистрацию благотворительных обществ, образовательных учреждений, межконфессиональных организаций и прочих объединений религиозного характера, непосредственно не связанных с какой-либо конкретной религией. Согласно новому Закону, такие объединения должны создаваться централизованными организациями, обладающими вышеупомянутыми тремя признаками, или же им надлежит регистрироваться в качестве некоммерческих организаций иного типа. Это не слишком удобно в организационном плане и в любом случае усложняет процедуру обретения этими объединениями статуса юридического лица.

Куда проще было бы прямо указать, что наличие у религиозной организации такого признака, как обучение и воспитание последователей, никоим образом не означает, что ей не дозволяется обучать своему вероисповеданию тех, кто пока еще таковыми не являются. Определение Себенцова хотя и не столь однозначно, но все же сохраняет за ней эту возможность. Понятно, что “последователь”, с его точки зрения, “может не являться членом” организации, но он все же должен “проявлять интерес”, достаточный, чтобы “следовать указаниям”. Иными словами, последователя нельзя обучать религии без ясно выраженного желания с его стороны. Таким образом, создается двусмысленная ситуация: имеет ли право миссионер предпринимать какие-либо действия, направленные на привлечение интереса потенциальных последователей, или же ему остается пассивно ждать, пока те сами “не проявят интерес” к его вероучению, как в советские времена, когда “религиозная пропаганда” была строжайше запрещена.

Двусмысленность эта проистекает из явной недооценки того факта, что большинство религиозных доктрин требуют от своих приверженцев активно выражать свои верования. Себенцов никак не комментирует эту ситуацию, однако требование ограничиться пассивным ожиданием было бы абсолютно неприемлемым,

нарушающим как свободу вероисповедания, так и свободу самовыражения. Само понятие свободы самовыражения утратило бы всякий смысл, если бы человеку было даровано право высказываться лишь тогда, когда его об этом кто-то просит. Особенно туго пришлось бы тому, кто захотел бы высказать какие-то новые идеи. Ибо в этом случае, согласно правилу “предварительного запроса”, аудитория должна была бы попросить его поведать ей нечто такое, о чем она еще не слышала либо слышала от кого-то другого (возможно, критика или недоброжелателя), не являющегося автором данной идеи.

4. Запрет на создание религиозных объединений в государственных органах.

Пункт 6.3 запрещает “создание религиозных объединений в органах государственной власти...” Это положение следует рассматривать как дальнейшее развитие принципа отделения церкви от государства, оговоренного в статье 4. Иными словами, учреждения и должностные лица, наделенные государственной властью, не имеют права объединяться на религиозной основе. К примеру, они не могут учредить православную организацию, членами которой будут исключительно кадровые военные или депутаты местного городского совета. С другой стороны, религиозное объединение не может претендовать на самоуправление, а правительственный орган не вправе придать себе статус религиозной организации. Суть идеи в том, что религиозные объединения должны создаваться гражданами и осуществлять свою деятельность независимо от государственных органов. Проблема равного доступа к подобным объектам, которые, учитывая специфику такого рода учреждений, легко могут быть монополизированы одним или несколькими религиозными объединениями, Себенцовым не обсуждается.

5. Запрет на незаконную деятельность

Пункт 6.4 гласит, что “запрещаются создание и деятельность религиозных объединений, цели и действия которых противоречат закону”. В большинстве случаев требование, чтобы религиозные объединения действовали исключительно в рамках закона, представляется разумным и оправданным. Однако бывают ситуации, когда данное положение входит в противоречие с самим принципом свободы вероисповедания и может привести к дискриминационным мерам либо репрессиям в отношении религиозных меньшинств. Вот, к примеру, если одна религиозная организация делает заявления, оскорбительные для другой веры, можно ли на этом основании запретить ее деятельность? Дает ли непреднамеренное нарушение священником одного из многочисленных российских законов (например, требования всегда иметь при себе паспорт) право местному чиновнику закрыть церковь, к которой этот священник принадлежит? А что, если конкретный закон, в общем-то не столь уж важный для государства, требует от религиозного объединения каких-либо действий, несовместимых с религиозными убеждениями его членов?

Таких вопросов можно задать великое множество, вот почему столь большое значение придается положениям международных правовых документов, где обозначены пределы государственного вмешательства в религиозную деятельность. Скажем, в статье 9 (2) Европейской конвенции говорится, что проявление религиозных верований может быть ограничено лишь в той мере, в какой это “предписано законом и необходимо в демократическом обществе”. Обратите внимание, в данном пункте не сказано, что допустимы “любые ограничения, предписанные законом”. Но ведь именно так ставится вопрос в пункте 6.4 и ряде других положений нового Закона. Дабы соответствовать международным стандартам, настоящий Закон должен был бы содержать специальное положение, освобождающее религиозные объединения от обязанности соблюдать законы, которые ограничивают их свободу вероисповедания сверх того, что абсолютно необходимо с точки зрения государственных и общественных интересов. Иными словами, лишь те законы, без которых демократическое общество никак не может обойтись, могут быть поставлены выше права граждан на свободу вероисповедания.

Н. Виды религиозных объединений

Согласно пункту 6.2 Закона, все религиозные объединения подразделяются на две основные категории: религиозные группы и религиозные организации. Их характерные признаки перечислены соответственно в статьях 7 и 8. В статье 8 религиозные организации далее подразделяются на местные и централизованные, при этом централизованным организациям, просуществовавшим на территории Российской Федерации не менее пятидесяти лет, предоставляется право использовать в своих наименованиях слова “Россия” и “российский”. Помимо того, как уже отмечалось ранее, пунктом 27.3.3 вводится третья, “гибридная” категория религиозных объединений, которую мы условились называть “организацией с ограниченными правами”. Своим появлением эта категория обязана сентябрьской компромиссной редакции Закона. К ней относятся уже зарегистрированные объединения, сохраняющие статус юридического лица и пользующиеся определенными правами, однако, чтобы стать полноправными организациями, они должны дождаться истечения пятнадцатилетнего срока, предусмотренного статьей 9. Наконец, в соответствии со статьей 13, иностранным религиозным организациям (то есть тем

организациям, что созданы за пределами Российской Федерации) может быть предоставлено право открыть в России свое представительство. Хотя такие представительства не обладают правами либо признаками религиозного объединения и не могут претендовать на статус юридического лица, они, тем не менее, являются официально признанными структурами, через которые иностранные религиозные группы могут осуществлять свою деятельность в России (открывать офисы и банковские счета, нанимать служащих и т.д.). Далее эти четыре вида объединений рассматриваются более подробно.

Прежде всего следует подчеркнуть, что вышеназванные категории никак не соотносятся с реально существующими церковными структурами религиозных сообществ. Это всего лишь формальная классификация, призванная регламентировать их деятельность в рамках гражданского права. Что же касается внутренней организации религиозных объединений, то она может быть очень сложной и сильно различается от одной религии к другой. Одни сообщества более иерархичны, другие более конгрегационны (то есть устроены по типу религиозного братства), одни “замкнуты”, другие, напротив, открыты для всех, существует и множество промежуточных форм. Что характерно, структура того или иного объединения зачастую имеет весьма принципиальное значение с точки зрения его религиозной доктрины. У католиков и протестантов, к примеру, совершенно разные взгляды на церковную организацию. Некоторые группы отказываются приобретать статус юридического лица или создавать централизованные структуры по идейным соображениям. Отсюда следует, что законодательство о религиозных объединениях должно быть достаточно гибким и не должно загонять религиозные группы в неприемлемые для них организационные рамки. В целом классификация, предусмотренная настоящим Законом, выглядит вполне приемлемой при условии, что разграничение между гражданско-правовыми и церковными структурами религиозных объединений будет проводиться достаточно четко и что правоприменяющие органы не будут стричь все организации под одну гребенку. Тем не менее, новый Закон в этом отношении все же уступает закону 1990 года, в соответствии с которым, как разъяснялось в официальных правилах по его применению, вышедших в 1994 году, разрешалась регистрация религиозных братств, орденов, миссий и так далее.

2. Статья 8: Религиозные организации

Религиозной организацией называется религиозное объединение “граждан и иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации”, которое зарегистрировано в качестве юридического лица. Согласно пункту 8.2, религиозные организации подразделяются на местные и централизованные. Главным признаком централизованной организации является то, что она “в соответствии со своим уставом состоит не менее чем из трех местных религиозных организаций”. При этом, однако, в пункте 8.2 оговорено, что различие между двумя этими видами организаций определяется еще и “территориальной сферой их деятельности”.

а. Местные религиозные организации

Требования к местным религиозным организациям указаны в пункте 8.3. На первый взгляд, они сводятся к тому, что религиозная организация должна состоять “не менее чем из десяти участников, достигших возраста восемнадцати лет”, каковые “постоянно и на законных основаниях проживают на территории Российской Федерации”. Однако из положения статьи 9 о том, что учредителями местной религиозной организации могут быть не менее десяти граждан РФ, вытекает, что в ней должно состоять как минимум десять совершеннолетних граждан. “Постоянное проживание”, видимо, предполагает наличие российского гражданства или вида на жительство, как и в случае с религиозными объединениями вообще. Авторы “Проекта свода правил”, судя по всему, исходят из того, что территориальная сфера деятельности “местного религиозного объединения” будет находиться в пределах юрисдикции органа, его зарегистрировавшего, хотя в самом Законе ничего определенного на сей счет не говорится. Обычно такие вопросы считаются внутренним делом религиозной организации и не подлежат государственному регулированию.

Понятие “одной местности” охватывает ряд населенных пунктов, расположенных поблизости друг от друга, причем им необязательно входить в состав одного и того же субъекта Российской Федерации, чьи жители могут регулярно собираться для совместного участия в религиозных обрядах и церемониях без помощи транспорта дальнего следования. Люди, проживающие в разных городах, например, в Клину и Коломне, вряд ли смогут создать местную религиозную организацию, хотя оба этих населенных пункта входят в состав Московской области”.¹⁹⁵

Первая фраза сего пассажа возражений не вызывает. А вот вторая его часть, несмотря на кажущийся здравый смысл, попросту игнорирует повседневную реальность жизни и деятельности многих религиозных групп.

Искусственные ограничения, налагаемые государством на “территориальную сферу деятельности” местных организаций без учета мнения и пожеланий самих верующих, вряд ли можно считать целесообразными.

Они только осложняют процедуру приобретения религиозными объединениями статуса юридического лица (чтобы выполнить требование Закона насчет числа учредителей, объединению может понадобиться единоверец из другого города) и продемонстрируют неуважение государства к самоотвержению верующих, готовых преодолевать большие расстояния, чтобы иметь возможность исповедовать свою религию. Подобные ограничения не только не являются “необходимыми в демократическом обществе”, они не имеют ни малейшего отношения к защите общественного порядка, нравственности, безопасности, здоровья или чьих-либо прав и свобод. Короче говоря, вопрос о том, проживают ли члены данной религиозной группы “в одной местности”, должен решаться ими самими, а не государством. Территориальное деление религиозной организации – это ее внутреннее дело, и государство тут не при чем.

Ввиду того, что юридическое лицо должно иметь в своей исключительной собственности определенное имущество, размер и характер этого имущества должны быть оговорены при получении организацией соответствующего статуса; законодательство не предусматривает минимального количества (минимальной стоимости) такого имущества в качестве условия регистрации некоммерческих организаций. Более того, часть имущества, необходимого для деятельности новой правосубъектной организации, может быть исключена из собственности, являющейся предметом ответственности, путем, к примеру, передачи этого имущества на нужды оперативного управления организацией.

Здесь затрагивается целый ряд моментов, которые надлежит тщательно продумать, прежде чем сделаться полноправным юридическим лицом. В устав религиозной организации необходимо будет включить особый пункт, где оговаривается характер любой принадлежащей ей собственности и ее полномочия приобретать, арендовать, удерживать и передавать разного рода собственность. Если организация имеет иерархическую структуру, было бы неплохо указать, кому именно – централизованной организации или ее местному отделению – принадлежит та или иная собственность, например, церковное имущество.

в. Централизованные религиозные организации

Дополнительную гибкость российскому законодательству о религиозных объединениях придает то обстоятельство, что Закон практически никак не регулирует взаимоотношения между централизованными и местными организациями, тем самым предоставляя им широкое поле для маневра. В пункте 8.4 указывается, что централизованная организация должна состоять “в соответствии со своим уставом не менее чем из трех местных религиозных организаций”. Во всем остальном “родственные” организации вправе строить свои отношения, в том числе и финансовые, по собственному усмотрению.

Напоследок коснемся еще двух разновидностей религиозных организаций, чьи интересы учтены Законом 1997 года далеко не в полной мере: религиозных орденов и так называемых “парацерковных” организаций. Первые всем хорошо известны: на память сразу приходят такие римско-католические ордена, как иезуиты или доминиканцы. Казалось бы, у таких орденов не должно возникать проблем с правосубъектностью: уже действующая централизованная организация попросту создает еще одну организацию, которую орден использует в своей практической деятельности. Неясно, однако, какую именно организацию следует создавать. Местная организация может не подойти, поскольку при нехватке священников членам ордена зачастую приходится обслуживать различные местные церкви; к тому же в большинстве своем они неизбежно будут иностранцами, пока орден не сумеет наладить подготовку местных “кадров”. Возможно, речь должна идти о местной организации с территориальной сферой деятельности, охватывающей все церкви, где члены ордена совершают богослужения. Что же касается централизованной организации, то с ней хлопот еще больше, ведь сначала нужно будет создать три местные. Остается вариант с “руководящим либо координирующим органом”, однако для ордена он, к сожалению, не слишком подходит, ибо его структура таких органов не предусматривает. Более того, централизованную организацию, учреждающую правосубъектную организацию для религиозного ордена, может беспокоить то обстоятельство, что в каноническом отношении орден ей не подчинен, а посему у нее могут возникнуть сомнения в законности данного мероприятия (ведь формально она создает подчиненную себе организацию). Ввиду всех этих сложностей Себенцов предлагает считать ордена “независимыми” правовыми единицами, учреждаемыми централизованными организациями.²¹⁴ Себенцов исходит из того, что Закон “не запрещает российским централизованным религиозным организациям создавать религиозные организации иных типов”; в какой-то мере такая трактовка снимает остроту проблемы, хотя вряд ли она полностью удовлетворит заинтересованные стороны.

Еще большие трудности могут возникнуть у “парацерковных” организаций, вроде “студенческого крестового похода за Христа” или “навигаторов”. Эти организации занимаются распространением христианской веры, не исповедуя при этом какого-то конкретного вероучения, стало быть, они не отвечают требованию пункта 6.1 об общем вероисповедании членов религиозного объединения. Они не принадлежат ни к какой конфессии, занимаются исключительно религиозной деятельностью, но при этом призывают своих последователей посещать “традиционные” церкви. Таким организациям лучше всего подошел бы правовой статус религиозного

объединения, которое не обладает выраженной структурой, не имеет собственной церкви или религиозной общины. По действующему законодательству им, видимо, придется регистрироваться в качестве некоммерческих либо благотворительных организаций, или они могут быть учреждены как “независимые” организации какой-либо централизованной организацией, которая официально считается “религиозной”. Все это очень неудобно и может сильно затянуть процесс приобретения такими группами статуса юридического лица, а без этого статуса они будут лишены многих важных прав.

d. Наименование религиозных организаций

Пункт 8.8 обязывает религиозные организации иметь наименование, содержащее сведения об их вероисповедании, и указывать свое полное наименование при осуществлении деятельности. Наличие ранее зарегистрированной организации с тем же наименованием может послужить основанием для отказа в государственной регистрации религиозной организации. Судя по всему, авторов Закона волновали не столько проблемы, связанные с товарными знаками или фирменными названиями, сколько возможные злоупотребления со стороны некоторых групп, которые могли бы вербовать сторонников под внешне безобидным наименованием или же выпрашивать средства под тем предлогом, что они якобы “православные”. Соответственно, данный пункт “содержит запрет на анонимную деятельность или использование наименования другой религиозной организации”.

В “Комментарии Себенцова” упоминается и о том, что иные религиозные организации используют метафорические или библейские названия, например, “Свет жизни”, “Слово жизни”, “Крест Голгофы” и тому подобные, дабы их нельзя было связать с каким-то конкретным вероучением. Свидетели Иеговы и Новоапостольская церковь возражают против того, чтобы их причисляли к “протестантам”, и такого рода случаи не единичны. По мнению Себенцова, регистрирующие органы могли бы просто классифицировать подобные организации как внеконфессиональные или христианские, в зависимости от того, что для данного объединения предпочтительнее.

3. Организации с ограниченными правами

Как гласит пункт 27.3.3, “религиозные организации, не имеющие документа, подтверждающего их существование на соответствующей территории на протяжении не менее пятнадцати лет, пользуются правами юридического лица при условии их ежегодной перерегистрации до наступления указанного пятнадцатилетнего срока”. Это положение явилось существенным шагом вперед по сравнению с первоначальной редакцией Закона, принятой Федеральным Собранием в июле 1997 года, поскольку оно сохраняет за “организациями с ограниченными правами” статус юридического лица на время, пока те ждут истечения пятнадцатилетнего срока. Более того, как неоднократно подчеркивается в “Комментарии Себенцова”, такого рода ограничения не распространяются на местные организации, входящие в состав централизованных организаций, и на сами централизованные организации. Какими именно правами наделяются организации этого типа, по сей день остается неясным. В пункте 27.3.3 перечисляется ряд важных прав из числа тех, что дарованы “полноценным” организациям, которыми “организации с ограниченными правами” не пользуются. Хотя ни в “Комментарии Себенцова”, ни в “Проекте свода правил” ничего определенного на этот счет не говорится, юридическая логика подсказывает, что “организации с ограниченными правами” по идее должны обладать всеми прочими правами “полноценных” организаций при условии их ежегодной перерегистрации, пока не истечет пятнадцатилетний срок.

Если это так, то “организации с ограниченными правами” должны пользоваться по крайней мере следующими правами: (1) они могут руководствоваться своими внутренними установлениями; (2) они вправе основывать и содержать культовые здания и сооружения и совершать там богослужения, другие религиозные обряды и церемонии (однако они не имеют права проводить религиозные обряды в больницах, детских домах, домах-интернатах для престарелых и инвалидов и исправительных учреждениях); (3) военнослужащим из числа их членов разрешается участвовать в богослужениях; (4) они могут осуществлять богослужения, другие религиозные обряды и церемонии за пределами своих культовых зданий и сооружений в порядке, установленном для проведения митингов, шествий и демонстраций; (5) они вправе осуществлять благотворительную деятельность и даже могут рассчитывать на содействие и поддержку государства в данном вопросе; (6) они вправе “устанавливать и поддерживать международные связи и контакты, в том числе в целях паломничества, участия в собраниях и других мероприятиях”, у них даже есть право “приглашать для этих целей иностранных граждан”, однако они не могут приглашать иностранных граждан в целях занятия профессиональной религиозной деятельностью; (7) они могут владеть собственностью и пользоваться имуществом, переданным им в пользование государством; (8) они вправе осуществлять предпринимательскую деятельность и создавать собственные предприятия в порядке, устанавливаемом российским законодательством; и, наконец, они имеют право нанимать работников и заключать с ними трудовые договоры. До сентябрьского “компромисса” религиозные объединения, не обладающие статусом организации, всех этих прав были лишены. Таким образом, введя категорию “организации с ограниченными

правами”, авторы компромиссного варианта Закона значительно расширили права религиозных объединений, не являющихся полноценными организациями.

И все же, даже принимая во внимание все вышесказанное, нельзя не признать, что “организации с ограниченными правами” окажутся в весьма невыгодном положении по сравнению с “полноценными” организациями. Перечень видов деятельности, запрещенных таким организациям согласно пункту 27.3.3, большей частью включает в себя важнейшие права, без которых религиозное объединение не может нормально функционировать. Вот каких прав “организации с ограниченными правами” лишены: права на отсрочку от призыва на военную службу и на освобождение от военных сборов; права создавать образовательные учреждения; права обучать детей религии в государственных и муниципальных школах; права иметь при себе представительство иностранной религиозной организации; права проводить религиозные обряды в больницах и других лечебно-профилактических учреждениях, детских домах, домах-интернатах для престарелых и инвалидов и исправительных учреждениях; права “производить, приобретать, экспортировать и распространять религиозную литературу, печатные, аудио- и видеоматериалы и иные предметы религиозного назначения”; права “учреждать организации, издающие богослужебную литературу и производящие предметы культового назначения”; права создавать “культурно-просветительские организации, образовательные и другие учреждения, а также учреждать средства массовой информации”; права создавать учреждения профессионального религиозного образования для подготовки служителей и религиозного персонала; и последнее (по порядку, но не по значимости), права “приглашать иностранных граждан в целях занятия профессиональной, в том числе проповеднической, религиозной деятельностью в данных организациях”.

Иными словами, независимая христианская церковь, основанная в данном регионе менее пятнадцати лет назад, может иметь 5000 прихожан, но при этом у нее не будет возможности создать собственную семинарию или пригласить иностранных священников для оказания помощи в ее религиозной деятельности. Законодательство буквально вынуждает такую церковь присоединиться к какой-либо централизованной организации – даже если это противоречит ее религиозной доктрине.

Плохо согласуется такой подход и с положениями “Комментария Себенцова”, где относительно приглашения иностранных священнослужителей указывается, что таковые “могут приглашаться... только религиозными организациями, в рамках которых будет протекать их деятельность, и никем больше. Иностранцы граждане не имеют права приезжать в Российскую Федерацию для занятия подобной деятельностью по собственной инициативе. Под профессиональной деятельностью подразумевается также миссионерская и проповедническая деятельность”. Для религиозных организаций, тесно связанных с родственными объединениями за рубежом, а также для организаций, занимающихся главным образом именно “миссионерской и проповеднической” деятельностью, подобные ограничения означают серьезное ущемление их права на свободу вероисповедания. К тому же даже либеральное толкование Закона не отменяет для “организаций с ограниченными правами” запрета, скажем, на посещение своих последователей в домах-интернатах для престарелых, тюрьмах или больницах, если только инициатива такого визита не исходит от самих последователей, а также не дает их священникам права на отсрочку от призыва и не восстанавливает их во многих других правах. И все же либеральное толкование пункта 27.3 может существенно облегчить участь “организаций с ограниченными правами”. Много будет зависеть от того, как данный пункт станет применяться на практике.

В целом официальная позиция российских властей относительно пятнадцатилетнего “испытательного срока” должна привести к значительному сокращению числа религиозных объединений, подпадающих под категорию “организаций с ограниченными правами”. Этот статус, по всей видимости, будет присвоен небольшим местным организациям, которые до 1997 года не входили в структуру более крупных объединений. И тем не менее, список “организаций с ограниченными правами” – их число легко можно будет установить в ближайшие два года на основании ежегодной отчетности, предусмотренной пунктом 8.9 – по сути дела, будет представлять собой список религиозных объединений, ущемленных во многих важных правах.

4. Статья 13: Иностранные представительства

Статья 13 Закона закладывает правовую основу для открытия на территории Российской Федерации представительств иностранных религиозных организаций. В пункте 13.1 иностранная религиозная организация без лишних затей определяется как организация, “созданная за пределами Российской Федерации”. Если организация зарегистрирована в России, то она считается российской, а не иностранной, стало быть, на нее не распространяются ограничения, предусмотренные для представительств иностранных религиозных организаций.

В пункте 13.2 говорится, что иностранной религиозной организации может быть предоставлено право открытия своего представительства в России. Решение на этот счет принимается соответствующим регистрирующим органом. Представительство не будет зарегистрировано, если оно открывается в целях, противоречащих Конституции РФ или российскому законодательству, или если его уставные документы содержат

неточные либо недостоверные сведения. Права такого представительства весьма ограничены. Оно “не может заниматься культовой и иной религиозной деятельностью”, и на него не распространяется “статус религиозного объединения, установленный настоящим Федеральным законом”. Себенцов поясняет, что иностранные представительства “не имеют права заниматься религиозной деятельностью, включая миссионерскую, и обучением религии, учреждать российские религиозные организации, открывать общедоступные молитвенные дома, а также создавать в России предприятия, издающие религиозную литературу и производящие предметы религиозного назначения”. Из “Правил регистрации иностранных представительств” вытекает, что такое представительство не только не обладает статусом религиозного объединения, но и вообще не является субъектом права. И в самом деле, права представительств настолько ничтожны, что невольно возникает вопрос, “а зачем их тогда открывать?”

К заявке на открытие представительства должен прилагаться набор документов, во многом сходный с тем, что требуется при регистрации российской религиозной организации. Заявка должна быть подписана ответственными лицами из руководства иностранной организации. В ней надлежит привести краткие сведения о данной организации, указать цели и основные направления ее деятельности в России, а также адрес представительства и число иностранных граждан, которые будут там работать. Если инициатива открытия представительства исходит от российской организации, то эта организация должна направить в регистрирующий орган соответствующую просьбу.

Требуется также копия решения иностранной организации об открытии представительства и назначении его директора. К заявке прилагаются копии устава иностранной религиозной организации, зарегистрированного у нее на родине, на языке оригинала и в русском переводе. Регистрирующий орган вправе запросить и дополнительную информацию. После того, как будут получены все необходимые документы, решение о регистрации представительства должно быть принято в течение трех месяцев, причем срок этот может быть продлен еще на шесть месяцев, если регистрирующий орган запросит дополнительную информацию. При положительном решении заявителю выдается свидетельство о регистрации, сохраняющее силу в течение трех лет, после чего оно может продлеваться каждые три года по просьбе иностранной религиозной организации или “родственной” российской организации. Свидетельство может быть использовано для оформления виз иностранным гражданам и членам семей сотрудников представительства.

Основания для ликвидации иностранных представительств также во многом аналогичны тем, что предусмотрены в отношении российских религиозных организаций, с некоторыми добавлениями. В частности, в дополнение к основаниям для запрета на деятельность религиозных объединений, перечисленным в статье 14 Закона, деятельность представительства может быть прекращена по истечении срока действия его регистрации или если открывшая его иностранная религиозная организация сама пожелает его закрыть либо прекратит свое существование. Представительство может быть ликвидировано также в случае, если российская религиозная организация, ходатайствовавшая о его открытии, отзовет свое ходатайство. В подобной ситуации может возникнуть конфликт между местной организацией, входящей в состав иерархической централизованной структуры, и вышестоящей организацией.

С практической точки зрения ничто не мешает иностранным представительством осуществлять многие виды религиозной деятельности совместно с российскими религиозными объединениями, а стало быть, указанные выше ограничения вряд ли будут столь уж обременительны (за исключением случаев, когда юридический статус имеет принципиальное значение). Себенцов подчеркивает, что “сотрудники представительств религиозных организаций имеют право пользоваться религиозной литературой и предметами культового назначения, совершать религиозные обряды и церемонии совместно с другими гражданами, воспитывать детей в соответствии со своим отношением к религии, а также пользуются неотъемлемым правом каждого на свободу совести и свободу вероисповедания”²⁷⁷. Короче говоря, при определенных обстоятельствах представительства могут оказаться весьма полезными административными и “квазидипломатическими” структурами, однако создать на их основе полноценные религиозные общины вряд ли возможно.

I. Статья 9: Правило пятнадцати лет

Несомненно, наиболее спорным положением всего Закона 1997 года является формулировка пункта 9.1, где говорится, что местная религиозная организация может быть учреждена либо уже существующей централизованной организацией, либо десятью или более гражданами, объединенными в религиозную группу, “у которой имеется подтверждение ее существования на данной территории на протяжении не менее пятнадцати лет, выданное органами местного самоуправления...” Это положение имеет два ключевых аспекта. Новые группы, пусть даже исповедующие то же вероучение, что и централизованные организации, которые действуют в других российских регионах, могут быть зарегистрированы лишь в том случае, если они уже просуществовали в качестве незарегистрированных групп по меньшей мере пятнадцать лет. Ранее зарегистрированные организации зачисляются в категорию “организаций с ограниченными правами” в соответствии с пунктом 27.3.3, если они не

обладают тем же пятнадцатилетним “стажем”. Поскольку статус религиозной организации гарантирует его обладателю множество всяких благ и привилегий, а “правило пятнадцати лет” является главным препятствием для получения этого статуса всеми независимыми объединениями, толкование и применение данного положения приобретают исключительно важное значение. Для начала отметим, что “правило пятнадцати лет” само по себе весьма необычно. Хотя во многих европейских странах действует законодательство, предусматривающее разный статус для различных религиозных организаций, все государства, подписавшие Европейскую конвенцию, признают за религиозными организациями право иметь определенный юридический статус, который позволил бы им заниматься всеми видами религиозной деятельности, включая миссионерство, создание общин и активное привлечение новых последователей. Многие сторонники российского Закона, защищая “правило пятнадцати лет”, ссылаются на литовское законодательство. Однако такое сравнение явно не в пользу нового российского Закона. Статья 6 литовского закона действительно устанавливает 25-летний срок “со дня первоначальной регистрации” для получения религиозными объединениями статуса “традиционных” религиозных сообществ, но при этом та же статья 6 и статья 11 оговаривают возможность приобретения “нетрадиционными” религиозными группами правосубъектности за относительно короткий срок (не более шести месяцев). Как следствие, “нетрадиционные” группы могут заниматься всеми теми же видами деятельности, что и “традиционные”. Главный недостаток российского Закона как раз в том и состоит, что он лишает многие религиозные объединения статуса юридического лица, легко доступного им в других странах. Возьмем, к примеру, новый австрийский закон, предусматривающий длительный период “ожидания” для желающих получить статус “государственно-признанной церкви” с сопутствующими субсидиями и привилегиями; он может лишить “конфессиональные сообщества”, не являющиеся “государственно-признанными”, тех или иных видов финансовой поддержки, но он никоим образом не ограничивает права Свидетелей Иеговы, баптистов, адвентистов и других групп распространять свое вероучение и создавать свои общины, хотя и носит по отношению к ним явно дискриминационный характер.

В Германии по конституции любая организация, претендующая на статус “публично-правовой корпорации”, должна иметь за плечами определенный “стаж”, однако небольшие религиозные группы в массе своей уже приобрели этот статус, а те, что не приобрели, могут зарегистрироваться как частные общества и спокойно осуществлять любую религиозную деятельность. К числу групп, обладающих статусом “публично-правовой корпорации” в Германии (помимо наиболее крупных религиозных объединений), относятся баптисты, “Христианская наука”, Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней (мормоны), Евангелистские свободные церкви, Свидетели Иеговы, меннониты, методисты, Новоапостольская церковь, Армия спасения, адвентисты Седьмого дня и унитарии. Многие другие группы обладают правосубъектностью как организации, зарегистрированные согласно Гражданскому кодексу. В 1991 году Федеральный конституционный суд постановил, что если структуры, предусмотренные Гражданским кодексом, не согласуются с церковной структурой религиозной организации, принцип свободы вероисповедания требует от властей сделать исключение для данной организации, дабы она могла следовать своему вероучению. Германское законодательство признает абсолютное равенство религиозных организаций, созданных в соответствии с гражданским правом, и “публично-правовых корпораций” в том, что касается свободы вероисповедания. А вот по российскому Закону многие из перечисленных выше групп не могли бы претендовать на статус юридического лица.

Можно было бы привести и другие примеры, но вывод останется прежним: повсеместно любая религиозная группа, действующая в рамках законов и конституционного строя данного государства, вправе получить юридический статус, который сохраняет за ней все права и полномочия, перечисленные в пункте 27.3.3 российского Закона. В России, однако, “организации с ограниченными правами” этих прав и полномочий лишены. По утверждению профессора Сильвио Феррари (Silvio Ferrari), члена совета Международной академии и заведующего кафедрой церковного права на юридическом факультете Миланского университета, ни в одной стране Европейского сообщества не существует законов, которые обязывали бы организации, желающие обрести правосубъектность, доказывать, что они действуют на данной территории не менее пятнадцати лет. Во всех этих странах для религиозных групп предусмотрен определенный статус, позволяющий им заниматься всеми законными видами религиозной деятельности.

В современном мире лишение религиозных объединений статуса юридического лица в большинстве случаев расценивается как серьезное ограничение свободы вероисповедания. Именно по этой причине Принцип 16 (с) Заключительного документа Венской встречи обязывает все государства, участвующие в Хельсинкском процессе, в том числе и Россию, “предоставлять объединениям верующих, исповедующим либо намеревающимся исповедовать свою веру в рамках конституционного строя данного государства, по их просьбе юридический статус, предусмотренный для таких объединений национальным законодательством”. Формулировка этого обязательства оставляет конкретную форму правосубъектности религиозных объединений на усмотрение местных законодателей, однако какая-то форма правосубъектности должна быть доступна им без всякого “испытательного срока”, как того требуют нормы ОБСЕ. Скажем больше, тот юридический статус, что в конечном итоге был

предоставлен “организациям с ограниченными правами” сентябрьской версией Закона, лишаящий их права создавать образовательные учреждения, права учреждать средства массовой информации, распространять литературу и иные материалы религиозного содержания, а также права приглашать в страну иностранцев для занятия профессиональной религиозной деятельностью, этим нормам явно не отвечает. Отказ в предоставлении полноценного статуса религиозным объединениям должен рассматриваться как ограничение “свободного проявления религиозных верований”; тем самым он нарушает статью 9 Европейской конвенции прав человека, поскольку его вряд ли можно считать “необходимым в демократическом обществе”. Как раз наоборот, право религиозных объединений на получение такого статуса является важным признаком современного демократического общества.

Российское правительство в ходе своего диалога с ОБСЕ официально заявило, помимо всего прочего, что “существование” на российской территории не обязательно должно быть непрерывным; будут учитываться и доказательства исторического существования в России до революции 1917 года. Доказательством может стать также сам факт репрессий против членов данной группы, вынудивших ее прекратить существование – допустим, в архивах КГБ сохранились сведения об арестах последователей ее вероучения. Иными словами, в зачет пойдет любой “стаж”, который группа сможет документально подтвердить. В более сложной ситуации могут оказаться группы, существовавшие в дореволюционной России, но впоследствии практически искорененные, вроде пятидесятников, лютеран, католиков, ортодоксальных иудаистов и многих других. Достаточно ли будет того, что эти группы существовали в России до 1917 или 1933 года на протяжении более пятнадцати лет, или от них потребуют доказательств их существования в 1982 году? Другой вопрос состоит в том, дает ли “существование” той или иной организации в одной местности право перерегистрироваться “родственной” ей организации в другой местности. К примеру, если раньше в Москве существовала одна католическая церковь, значит ли это, что таким же правом на перерегистрацию обладают и католические церкви в Санкт-Петербурге? Если пятнадцать лет назад где-то в России были лютеране или пятидесятники, достаточно ли этого для перерегистрации всех лютеранских и пятидесятнических общин или же перерегистрироваться могут только те из них, что непосредственно связаны с ранее существовавшими в России группами? А если речь идет о группах, использующих наименования западных христианских течений, скажем, пресвитериан или методистов, или именующих себя в духе новых веяний межконфессиональными, внеконфессиональными либо харизматическими? Имеют ли они право перерегистрироваться лишь на том основании, что они христиане? Большинство из этих вопросов пока остаются без ответа.

Из всех официальных толкований Закона однозначно вытекает, что “правило пятнадцати лет” не распространяется на местные организации, входящие в структуру централизованной организации. В частности, в “Проекте свода правил” говорится, что организация, желающая пройти государственную регистрацию, должна представить либо “документ, подтверждающий существование данного религиозного объединения на соответствующей территории на протяжении не менее пятнадцати лет, который выдается органом местного самоуправления; либо, в случае, если регистрируемая организация входит в структуру уже существующей централизованной религиозной организации, соответствующее свидетельство, выданное и заверенное руководящим органом данной централизованной организации”.

Еще определеннее та же мысль выражена в “Контрольной директиве”. В ответе 3 попросту констатируется: “Требование насчет пятнадцатилетнего срока деятельности не распространяется на централизованные религиозные организации”.

Что же касается централизованных организаций, то и для них “правило пятнадцати лет” может оказаться весьма обременительным. Дело в том, что хотя многие солидные религиозные сообщества – и те, что издавна существовали в России, и те, что своим появлением были обязаны крушению коммунистической системы – уже зарегистрировались как централизованные организации, некоторые этого еще не сделали. Такие сообщества могут иметь в своей структуре три и более местные организации, однако некоторые из этих организаций (а, возможно, и все), скорее всего, не смогут предъявить доказательств своего существования в России на протяжении пятнадцати лет. Западные и российские эксперты, изучавшие Закон, первоначально исходили из того, что все эти организации будут иметь статус “организаций с ограниченными правами” согласно пункту 27.3.3, поскольку только перерегистрировавшиеся централизованные организации, учрежденные тремя новообразованными местными организациями, будут вправе “передавать” статус религиозной организации своим структурным подразделениям. Таким образом, “правило пятнадцати лет” будет распространяться и на них.

Однако российские специалисты, участвовавшие в разработке самого Закона и сопутствующих инструкций – и отвечающие за их применение на практике – с начала сентября 1997 года неоднократно заявляли, что это не так. С их точки зрения, если мы ее правильно понимаем, на протяжении всего переходного периода, пока проходит перерегистрация, ныне существующие централизованные организации будут иметь право давать подтверждение, предусмотренное пунктом 9.1, о вхождении в их структуру местных организаций вне зависимости

от того, смогут ли эти организации доказать факт своего пятнадцатилетнего существования. С другой стороны, в соответствии с “Контрольной директивой”, неперерегистрировавшиеся местные религиозные организации не смогут учреждать централизованные организации; сперва они должны будут “приобрести статус местной религиозной организации посредством государственной перерегистрации”. Более того, иностранная централизованная организация, базирующаяся за пределами России, не сможет дать требуемое подтверждение какой-либо из своих местных организаций в России, и на такую организацию по-прежнему будет распространяться “правило пятнадцати лет”. Тем не менее, если централизованная религиозная организация, базирующаяся за рубежом, зарегистрирована на территории Российской Федерации, то в соответствии с пунктом 13.1 она не является иностранной религиозной организацией и имеет право давать соответствующее подтверждение своим структурным подразделениям на территории Российской Федерации.

Точно так же местная организация, первоначально (до принятия нового Закона) зарегистрировавшаяся как автономная религиозная организация, может присоединиться к уже существующей централизованной организации и представить доказательства такого присоединения; в этом случае, если местная организация внесет соответствующие изменения в свой устав и заручится подтверждением данной централизованной организации о вхождении в ее структуру, она получит все права юридического лица. Таким образом, зарегистрированные в настоящее время централизованные организации могут подтвердить, что местные организации либо незарегистрированные религиозные группы входят в их структуру, и тем самым “вывести” их из-под действия “правила пятнадцати лет”. Организации, получившие такое подтверждение, не подлежат какому-либо ограничению в правах, даже если они существовали в России менее пятнадцати лет, и должны быть зарегистрированы (или перерегистрированы) на местном уровне как полноценные юридические лица. Затем эти организации смогут перерегистрировать централизованную организацию, и при условии, что этот процесс будет завершён к концу 1999 года, вся структура в целом (централизованная организация и местные организации) окажется благополучно перерегистрированной.

По мнению российских чиновников, отвечающих за применение Закона, вышеозначенное толкование должно разрешить проблемы, связанные с перерегистрацией практически всех религиозных групп, кроме, разумеется, тех, что не будут перерегистрированы на основаниях, указанных в статье 14. К сожалению, как уже говорилось, такой подход не поможет группам, которые появятся в России уже после принятия нового Закона, а также тем, кто не сможет присоединиться к централизованной организации того же вероисповедания ввиду отсутствия таковой на территории России.

С практической точки зрения вся процедура выглядит излишне громоздкой. Централизованной религиозной организации придется дожидаться перерегистрации ее местных подразделений, прежде чем она сможет приступить к перерегистрации как централизованная структура. Непонятно, почему централизованная организация должна откладывать свою перерегистрацию, если она может представить в федеральный регистрирующий орган заверенный список трех или более местных организаций, входящих в ее структуру, и тем самым выполнить главное требование, предъявляемое Законом к централизованным организациям. В первую очередь это касается зарегистрированных на данный момент церковью с иерархической структурой. Более того, централизованная организация может оказаться в тупиковой ситуации, если регистрирующие органы на местах не согласятся с толкованием, “спущенным” сверху федеральными чиновниками. Тогда получится, что федеральные органы требуют, чтобы сначала были перерегистрированы местные организации, а их коллеги на местах настаивают, что сначала должна перерегистрироваться централизованная организация. Пока религиозная организация будет ходить по этому замкнутому бюрократическому кругу, время, отпущенное на перерегистрацию, истечет, и тогда вполне уважаемые объединения, невзирая на все заверения властей, что новый Закон никоим образом не ущемит их интересы, могут в одночасье превратиться в “организации с ограниченными правами”.

Наиболее разумным выходом было бы, разумеется, разрешить федеральным чиновникам перерегистрировать централизованные организации по предъявлению ими убедительных доказательств того, что не менее трех местных организаций, входящих в их состав, были зарегистрированы в прошлом и отвечают всем требованиям нового законодательства. Если “правило пятнадцати лет” действительно не распространяется на централизованные организации, как это постоянно подчеркивается российскими официальными лицами, то уже существующие централизованные организации не должны зависеть от превратностей перерегистрации на местах, связанных с различным толкованием пункта 9.1 нового Закона.

Проблемы могут возникнуть и у некоторых групп, существовавших в России более пятнадцати лет. Дело в том, что пятнадцать лет назад факт их существования официально властями не признавался. По новому Закону религиозной группе достаточно уведомить орган местного самоуправления о начале своей деятельности, стало быть, если подобное уведомление имело место пятнадцать лет назад, то пятнадцатилетний срок будет группе засчитан. Иными словами, как только группа формально уведомляет местные власти о своей деятельности в соответствии с новым Законом или любой другой процедурой, существовавшей в прошлом, отчет

пятнадцатилетнего срока автоматически начинается. Однако пятнадцать лет назад “горбачевская эра” еще не началась, и время для официальной регистрации религиозных групп было не слишком подходящее. Как раз наоборот, многие группы делали все от них зависящее, чтобы не привлекать внимания властей.

Единственное, что остается религиозным объединениям, это продолжить свою деятельность в качестве незарегистрированной группы или “организации с ограниченными правами”, направив соответствующее уведомление о своем создании (или подтверждение своего существования в как можно более отдаленном прошлом) в регистрирующий орган, и в дальнейшем проходить ежегодную перерегистрацию “до наступления указанного пятнадцатилетнего срока”. Утешает разве что то обстоятельство, что после первоначальной регистрации все последующие ежегодные перерегистрации превратятся для таких групп в простую формальность. Более того, как уже отмечалось, в “Контрольной директиве” ставится под сомнение соответствие требования ежегодной перерегистрации уже зарегистрированных групп положениям статьи 54 российской Конституции. Если эти сомнения подтвердятся, надобность в ежегодной перерегистрации таких зарегистрированных групп отпадет вследствие неконституционности подобной процедуры, впрочем, как и необходимость довольствоваться “второсортным” статусом. Пока же “организациям с ограниченными правами” придется мириться с отсутствием у них многих важных прав, перечисленных в пункте 27.3.3.

Итак, если толкование Закона, на котором настаивают федеральные правительственные чиновники, будет воспринято и на местном уровне, то “правило пятнадцати лет” во многом утратит актуальность для подавляющего большинства религиозных объединений. Однако для того, чтобы этот благоприятный сценарий реализовался на практике, всем заинтересованным лицам потребуется приложить еще немало усилий.

Ж. Статьи 10 и 11: Устав и процедура государственной регистрации

В статье 10 оговариваются формальные требования к содержанию устава религиозной организации. Они сформулированы достаточно четко и не нуждаются в особом толковании. Поскольку организация может быть подвергнута проверке на предмет соответствия ее деятельности уставу, в этом документе имеет смысл как можно подробнее расписать ее цели и полномочия. К примеру, при разработке устава организации в него желательно включить положение, предусматривающее возможность создания организацией всех учреждений, которые Закон позволяет ей создать, в том числе образовательных учреждений, благотворительных учреждений, а также, в рамках ее религиозной деятельности, деловых предприятий. Важно также уделить внимание структуре организации и ее полномочиям по части установления связей с другими религиозными организациями. Должны быть тщательно продуманы и такие вопросы, как имущественные права организации и судьба ее активов в случае ее ликвидации (добровольной или вынужденной).

Стоит упомянуть и о некоторых тонкостях, почерпнутых из “Комментария Себенцова”. В соответствии с пунктом 8.8 наименование религиозного объединения “должно содержать сведения о его принадлежности к определенному вероисповеданию”. Наименование местной организации “обычно связано с местом, где проводятся богослужения... и с названием местности... где оно находится”, в то время как устав централизованной организации должен содержать “указание на территориальную сферу ее деятельности”. Из “Контрольной директивы” явствует, что достаточно указать адрес организации. Точные границы “территориальной сферы деятельности” указывать не обязательно.

Далее в уставе указывается вид учреждаемой религиозной организации и перечисляются организации, которые она вправе создавать. Это могут быть местные, централизованные и некоммерческие организации, фонды (независимые организации, финансируемые владельцем), монастыри и учреждения профессионального религиозного образования. Важно отметить, что “Закон не содержит запрета на создание российскими централизованными религиозными организациями иных видов религиозных организаций при условии, что деятельность последних согласуется с целями и характеристиками создавшей их религиозной организации (включая наличие общего вероисповедания в соответствии с пунктом 6.1), указанными в ее уставе”.

Наиболее расплывчатой выглядит формулировка шестого абзаца пункта 11.5, согласно которой религиозные организации должны представить “сведения об основах вероучения и соответствующей ему практики, в том числе об истории возникновения религии и данного объединения”. Относительно многих религий это теоретически означало бы передачу в распоряжение регистрирующего органа целых библиотек. Скорее всего, имеется в виду что-то более “компактное”. В “Контрольной директиве” говорится, что все эти сведения должны быть представлены религиозной организацией “в виде тома”, то есть предполагается нечто меньшее по объему, нежели библиотека; далее там указывается, что в случае регистрации сразу нескольких местных религиозных организаций достаточно будет и стандартной формы. Более того, если дело касается местной организации, входящей в состав централизованной организации, то, по мнению Себенцова, “местной организации необходимо и достаточно сослаться на... сведения, представленные централизованной религиозной организацией”. Он также подчеркивает, что такая информация должна быть краткой и по существу вопроса.

Кроме того, организация должна представить сведения “о формах и методах своей деятельности, об отношении к семье и браку, к образованию, особенностях отношения к здоровью последователей данной религии, ограничениях для членов и служащих организации в отношении их гражданских прав и обязанностей”. Для некоторых групп такое требование фактически равносильно требованию сообщить властям об определенных аспектах их верований, которые могут послужить основанием для отказа в государственной регистрации данного объединения.

Наконец, еще одна тонкость, касающаяся местонахождения либо адреса организации. В “Контрольной директиве” говорится, что в соответствии с Гражданским кодексом РФ “адреса, по которым проживают граждане, не могут использоваться в качестве юридического адреса организации”. В “Проекте свода правил”, напротив, утверждается, что адрес местожительства может использоваться в качестве юридического адреса, но при этом “религиозная организация обязана информировать регистрирующий орган либо орган, осуществляющий контроль за ее деятельностью, о своем истинном местонахождении”; очевидно, под “истинным местонахождением” подразумевается место, где совершаются богослужения и прочие обряды. Этот момент следует прояснить, поскольку многие общины базируются в жилых помещениях, принадлежащих духовным пастырям или руководителям общины. Религиозным группам разрешается проводить богослужения, религиозные обряды и церемонии в жилых помещениях, “но в соответствии с пунктом 7.1 помещения для этих целей могут предоставляться только членами данной религиозной группы”.

В пункте 11.6 говорится, что в случае, если вышестоящий руководящий орган (центр) религиозной организации находится за пределами России, то наряду с прочими документами должен быть представлен “устав или иной основополагающий документ иностранной религиозной организации, который удостоверен государственным органом государства нахождения этой организации”. Себенцов, однако, поясняет, что это необходимо, только “если образуемая местная религиозная организация не входит в структуру российской централизованной религиозной организации”. В “Проекте свода правил” разъясняется, каким образом должны удостоверяться такого рода документы; в частности, это зависит от того, подписывала ли страна, откуда присылаются документы, Гаагскую конвенцию 1951 года. Далее здесь же говорится, что документы, присылаемые из стран СНГ, не нуждаются в каком-либо специальном удостоверении (сверх того, что предусмотрено обычной процедурой заверения документов).

К. Статьи 12 и 14: Основания для отказа в регистрации и для ликвидации религиозных организаций, а также для запрета на деятельность религиозных объединений

В статье 12 весьма недвусмысленно перечисляются формальные основания для отказа в регистрации религиозной организации. В отличие от оснований, перечисленных в пункте 14.2, такого рода “недоработки” не влекут за собой запрета на деятельность группы или организации, так что в случае устранения указанных погрешностей организация может рассчитывать на благосклонность регистрирующего органа.

Куда более сложные проблемы могут возникнуть в ситуации, когда местная община выражает свое несогласие с решением о ее ликвидации, принятым централизованной организацией, несмотря на то, что уставы этих организаций наделяют последнюю таким правом. Еще сложнее ситуация может оказаться в случае роспуска централизованной организации и ее “поглощения” другой централизованной организацией. Что же касается возможных конфликтных ситуаций на стадии роспуска организации, “Комментарий” предлагает придерживаться того, что американские суды именуют “нейтральными принципами” подхода к таким делам, когда суд выносит решение, основываясь на положениях устава организации и соответствующих нормах гражданского права. Трудность здесь в том, что в уставе далеко не всегда удается предусмотреть все возможные источники разногласий между членами организации в связи с ее самороспуском, к тому же устав зачастую не отражает особенностей религиозной доктрины данной организации. Впрочем, проблемы эти в принципе трудноразрешимы в рамках правовой системы государства; неудивительно, что авторы Закона не смогли предложить готовых решений. Единственное, что можно посоветовать, это по возможности тщательнее прорабатывать эти вопросы при составлении уставов как местных, так и централизованных организаций и других документов, регламентирующих их деятельность.

Во втором абзаце пункта 14.1 говорится, что организация может быть насильственно ликвидирована в судебном порядке в случае “неоднократных или грубых нарушений норм Конституции Российской Федерации, настоящего Федерального закона и иных федеральных законов” либо в случае “систематического осуществления... деятельности, противоречащей целям ее создания (уставным целям)”. Важно отметить, что принудительная ликвидация религиозной организации на основании пункта 14.1.2, как указывается в “Комментарии Себенцова”, “не влечет за собой запрета на религиозную деятельность в рамках религиозной группы...”. Далее в пункте 14.2 перечисляются двенадцать оснований для более жестких мер в отношении религиозных организаций, включающих, помимо ликвидации организации, запрет на ее деятельность, а также для запрета на деятельность

незарегистрированной религиозной группы и для отказа в регистрации религиозной организации.

В “Комментарии Себенцова” утверждается, что все эти основания вполне оправданы, так как ограничения свободы вероисповедания, предусмотренные пунктом 14.2, осуществляются в соответствии с федеральным законом и обосновываются целями “защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства”, указанными в пункте 3.2 Закона. Большинство оснований для ликвидации религиозных организаций, перечисленных в пункте 14.2, не выдерживают критики.

Некоторые из них, конечно, трудно оспорить, как, например, “создание вооруженных формирований”. В общем-то понятно, что такое вооруженные формирования и почему они опасны. Хотя даже этот пункт может по-разному истолковываться; Себенцов поясняет, что организация вправе иметь охрану или “внутреннюю службу безопасности для обеспечения сохранности имущества и материальных ценностей”. По большей части, однако, основания для ликвидации религиозных организаций сформулированы крайне расплывчато. Организация может быть ликвидирована за целый ряд прегрешений, как-то: “нарушение общественной безопасности и общественного порядка”; действия, направленные на “нарушение целостности Российской Федерации”; “разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни, человеконенавистничества”; “принуждение к разрушению семьи”; “посягательство на личность, права и свободы граждан”; а также побуждение граждан к отказу от исполнения установленных законом гражданских обязанностей и совершению иных противоправных действий. К счастью, Себенцов недвусмысленно дает понять, что отказ от военной службы по идейным соображениям под данную категорию правонарушений не подпадает.

Подобно расплывчатым положениям пункта 3.6, запрещающим оскорблять религиозные чувства граждан или размещать тексты и изображения “вблизи” объектов религиозного почитания, формулировки пункта 14.2 легко могут быть использованы для дискриминации небольших религиозных групп. К примеру, если член Объединительной церкви уйдет из дома, сразу найдутся желающие обвинить Объединительную церковь в “принуждении к разрушению семьи”, в то время как семейные проблемы на более “традиционной” религиозной почве, скажем, когда один из супругов подает на развод, чтобы удалиться в монастырь, скорее всего, останутся без внимания.

Другие положения пункта 14.2 на первый взгляд представляются более конкретными, однако они ставят религиозные группы в неравные условия либо попросту игнорируют добровольное волеизъявление последователей многих вероучений. В частности, пункт 14.2 допускает ликвидацию религиозных организаций за “склонение к самоубийству или отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии”. Эта формулировка напрямую затрагивает такие солидные и уважаемые группы с многолетней историей, как Свидетели Иеговы, “Христианская наука” и многие другие религиозные течения, чья доктрина делает упор на исцеляющую силу молитвы либо запрещает верующим прибегать к переливанию крови или делать прививки. Как свидетельствует опыт большинства демократических государств, в демократическом обществе нет необходимости запрещать такие группы, несмотря на очевидную взаимосвязь между верованиями и здоровьем их последователей. Подобный запрет, несомненно, будет расценен как явное нарушение их права на свободу вероисповедания.

Далее, положение насчет “воспрепятствования получению обязательного образования” может быть истолковано как запрет на домашнее обучение, разрешенное во многих демократических странах. Формулировка о “принуждении членов и последователей ... к отчуждению принадлежащего им имущества в пользу религиозного объединения”, по всей видимости, направлена против групп, которые оказывают давление на своих последователей, вынуждая их передавать значительную часть своего имущества группе. Но можно ли на этом основании ликвидировать объединения, чьи последователи считают своей святой обязанностью уплату церковной десятины или иных взносов религиозного характера? Пусть даже они добровольно расстаются со значительной частью своего имущества? В конце концов, в Новом Завете сказано, что ранние христиане продавали свои земли и имущество, а вырученные деньги складывали к ногам апостолов, дабы те распределяли их в соответствии с нуждами религиозного сообщества; когда же Анания и его жена Сапфира утаили часть вырученных от продажи имущества средств, Господь наказал их смертью. Более того, в эпизоде с “лептой вдовы” Иисус хвалит женщину, которая “от скудости своей положила все, что имела, все пропитание свое”. Значит ли это, что христианские братства, руководствующиеся Новым Заветом, подлежат ликвидации?

“Комментарий Себенцова” содержит ряд положений, позволяющих в какой-то мере конкретизировать эти формулировки. К примеру, там подчеркивается, что религиозное объединение может быть ликвидировано только в судебном порядке на основе доказательств нарушения закона. Это, конечно, очень важное уточнение. Далее, в “Комментарии” указывается, что поведение отдельных членов группы вовсе не обязательно влечет за собой ответственность группы в целом. Лица, виновные в антиобщественном поведении, могут обнаружиться среди членов или участников практически любого объединения. Этого самого по себе еще недостаточно, чтобы

ликвидировать всю организацию. Проблема в том, что в “Комментарии” не разъясняется, каким образом надлежит разграничивать деятельность группы и деятельность отдельных ее членов.

Если бы под “разжиганием расовой, национальной и религиозной розни” подразумевались антисемитские и антимионерские высказывания, выходящие за рамки элементарных приличий, то это можно было бы только приветствовать. К сожалению, расплывчатые положения пункта 14.2 в нынешней российской атмосфере, когда вручение прохожему бесплатной Библии расценивается как “принуждение”, а деятельность иностранных миссионеров объявляется нарушением общественного порядка, легко могут быть использованы для ограничения прав новых религиозных групп.

L. Ограничение прав иностранных религиозных организаций, иностранцев и лиц без российского гражданства

В том, что касается прав иностранцев и лиц, не имеющих российского гражданства, новый Закон отличает некоторая двусмысленность. В пункте 3.1 говорится, что они обладают теми же правами, что и российские граждане, если находятся на территории России законно; далее, они вправе образовывать религиозные группы и организации при условии постоянного и законного проживания в России. С другой стороны, пункт 9.1 гласит, что учредителями религиозной организации должны быть не менее десяти граждан Российской Федерации. Если исходить из того, что положения первых трех статей нового Закона имеют преимущественное действие относительно других, противоречащих им положений, тогда получается, что права лиц без российского гражданства зависят от законности их пребывания в России и от того, проживают ли они здесь постоянно. Этот момент, видимо, будет прояснен в инструкциях по применению Закона, однако в связи с такой трактовкой возникают еще два вопроса: каковы права беженцев (в России на данный момент их миллионы) и что понимать под “постоянным” проживанием – гражданство, прописку (вроде бы уже отмененную), многоразовую въездную визу или карточку беженца.

Иностранные религиозные организации определяются как организации, “созданные за пределами Российской Федерации в соответствии с законодательством иностранного государства” – иными словами, это организации, являющиеся субъектами права другого суверенного государства. Таким организациям предоставляется право самостоятельно регистрировать свои представительства в России, и в этом смысле они не нуждаются в услугах российских религиозных организаций, как это предусматривалось в первоначальном проекте Закона. Тем не менее, структуры эти не могут заниматься “культовой и иной религиозной деятельностью” или претендовать на статус “религиозного объединения” с сопутствующим правом заниматься религиозной деятельностью. Короче говоря, они не обладают правами даже незарегистрированных религиозных групп. Пользы от таких представительств немного, разве что они дают возможность иностранным организациям арендовать помещения, открывать банковские счета и нанимать ограниченный персонал. Представительства иностранных религиозных организаций могут открываться и при российских религиозных организациях с пятнадцатилетним “стажем”.

Иностранная религиозная организация, желающая действовать в России на законных основаниях, должна создавать российскую организацию, учредителями которой были бы российские граждане. Более того, представительства, зарегистрированные в соответствии с новым Законом, вообще не обладают правами юридического лица. (Некоторые из тех, что были зарегистрированы в период между распадом СССР и принятием нового российского законодательства, таковыми обладают). Фактически они представляют собой “форпосты” иностранных организаций, несущих всю полноту юридической ответственности за их действия. Эти положения Закона иначе как по меньшей мере странными не назовешь, к тому же они противоречат другим его положениям, разрешающим незарегистрированным религиозным группам заниматься “культовой и иной религиозной деятельностью”. От такого порядка пострадают прежде всего структуры, которые создавались именно как представительства, в том числе по крайней мере одно отделение Американской православной церкви, в свою очередь являющейся “форпостом” Русской православной церкви в Америке.

Наконец, иностранные граждане, желающие заниматься в России “профессиональной” религиозной деятельностью, например, проповеднической, могут приезжать “исключительно” по приглашению зарегистрированной религиозной организации, отвечающей “правилу пятнадцати лет” либо входящей в состав централизованной организации. Себенцов в своем “Комментарии” поясняет, что такие приглашения имеют законную силу только в той местности, где действует религиозная организация, “устроившая” приглашение. Даже персонал представительства иностранной организации должен находиться под бдительным присмотром соответствующей российской организации.

Иностранные граждане могут приглашаться для занятия профессиональной религиозной деятельностью только религиозными организациями, в рамках которых будет протекать их деятельность, и никем больше. Иностранные граждане не имеют права приезжать в Российскую Федерацию для занятия подобной деятельностью

по собственной инициативе. Под профессиональной деятельностью подразумевается также миссионерская и проповедническая деятельность. В частности, это означает, что организация принимает на себя обязательства по размещению и содержанию лица (лиц), которое (которых) она приглашает. Приглашение религиозной организации является основанием для выдачи такому лицу разрешения на жительство, которое должно быть в установленном порядке зарегистрировано в Министерстве внутренних дел Российской Федерации. Если в соответствии с каноническими правилами вышестоящая организация, базирующаяся за рубежом, назначает священника в российскую религиозную организацию (церковный приход), как это принято, к примеру, в Римско-католической церкви, тогда после назначения такого священника приглашение ему должно быть направлено местной религиозной организацией, к которой он будет приписан.

Подобный подход представляет собой откровенно дискриминационную попытку ограничить сферу профессиональной деятельности иностранных священнослужителей. Как минимум это потребует бессмысленной “бумажной” работы по рассылке приглашений от имени различных религиозных общин, в которых данному священнику предстоит работать. В таких делах неизбежны всякого рода бюрократические проволочки, а если священник из-за подобных проволочек не прибудет в свой приход вовремя, это будет уже явное вмешательство государства во “внутренние установления” религиозной организации. Трудно понять, каким образом все это согласуется с требованием Европейской конвенции не допускать каких-либо ограничений религиозной деятельности сверх того, что является “необходимым в демократическом обществе”. Могут ли иностранцы приглашаться для занятия “непрофессиональной” религиозной деятельностью, вроде непрофессиональной проповеди, благотворительности или перевода религиозных текстов, пока что остается неясным. И уже совсем тяжело придется организациям, не обладающим пятнадцатилетним “стажем” и вынужденным прибегать к услугам иностранных священников.

М. Глава III: Деятельность религиозных организаций

Начиная со статьи 15, мы переходим к главе III Закона, озаглавленной “права и условия деятельности религиозных организаций”. В более широком смысле она регламентирует различные стороны жизни и деятельности религиозных сообществ.

3. Статьи 21 и 22. Вопросы собственности

Статья 21 посвящена вопросам собственности религиозных организаций. Наибольший интерес в этой связи вызывает пункт 21.5, где говорится, что “на движимое и недвижимое имущество богослужебного назначения не может быть обращено взыскание по претензиям кредиторов”. В “Комментарии Себенцова” отмечается, что вопрос о том, какое именно имущество подпадает под данную категорию, пока еще окончательно не решен; “очевидно”, однако, что к таковому имуществу должны быть отнесены культовые здания и сооружения, а также предметы религиозного назначения, необходимые для совершения богослужений, в то время как банковские счета, имущество нерелигиозного назначения, транспортные средства, деловые предприятия и прочая собственность, позволяющая религиозным организациям “вступать в гражданские правоотношения с гражданами и организациями и нести ответственность по коммерческим сделкам” остается “в распоряжении” кредиторов. Следовало бы уточнить, имеет ли право религиозная организация отказаться от подобной льготы. Это может оказаться немаловажным для организаций, желающих занять средства на строительство новых культовых сооружений, поскольку заимодатели наверняка захотят сохранить за собой “обеспечительный интерес” в данном сооружении вплоть до возвращения ссуды.

В статье 21 оговаривается право религиозных организаций использовать для своих нужд земельные участки, здания и имущество, предоставляемые им государством, причем передача всего этого религиозным организациям осуществляется безвозмездно. На первый взгляд это положение статьи 21 выглядит невероятно щедрым, ибо религиозные организации получают право бесплатно пользоваться землей.

По действующему законодательству особо ценные объекты культурного наследия, по всей видимости, могут находиться только в федеральной собственности, однако если эти объекты имеют религиозное назначение, то, согласно существующей практике, они могут безвозмездно использоваться организациями соответствующего вероисповедания.

IV. Исполнение Закона 1997 года

А. Применение Закона на практике: прогнозы и перспективы

События последних месяцев позволяют сделать весьма тревожный вывод: небольшим, недавно созданным и базирующимся за рубежом религиозным группам, судя по всему, предстоит столкнуться с нетерпимостью и дискриминацией, особенно на местном уровне. Более того, новое законодательство создаст немалые проблемы

религиозным группам, делающим упор на миссионерскую работу. Сам факт принятия Закона был воспринят, по крайней мере в определенных кругах российского общества, как сигнал к началу кампании против “непопулярных” религиозных групп. Справедливости ради следует отметить, что сам Закон и федеральные органы, отвечающие за его применение, в большинстве случаев не несут прямой ответственности за разного рода инциденты, имеющие место на региональном и местном уровнях. Некоторые из таких инцидентов являются следствием непонимания тех или иных требований Закона. Другие напрямую связаны с проявлениями религиозной нетерпимости; на словах она повсеместно осуждается, но искоренить ее мало кому удастся. Иногда речь идет об отказах в регистрации или иных просьбах религиозных объединений, которые те расценивают как дискриминацию, хотя в действительности мы имеем дело с обычными бюрократическими проволочками, вызванными отсутствием инструкций по применению Закона.

Несмотря на усилия федеральных чиновников придать новому Закону либеральную направленность, на сегодня есть все основания ожидать, что сочетание множества расплывчатых формулировок Закона с общей тенденцией ужесточения контроля за деятельностью малоизвестных в России религиозных групп весьма отрицательно скажется на состоянии дел со свободой вероисповедания в стране.

В. Первоначальные инциденты и проблемы, их порождающие

За принятием Закона последовала череда отказов в регистрации религиозных объединений. Большей частью это объясняется фактическим мораторием на регистрацию таких объединений, введенным вплоть до выхода в свет инструкций по применению Закона. Однако местные власти руководствуются и иными соображениями. Дело в том, что местные и региональные законы о религиозных объединениях, принятые за последние год-два, по-прежнему остаются в силе. Зачастую их положения противоречат общенациональному законодательству, однако без эффективного вмешательства федеральных органов обойти эти положения будет очень непросто – понадобятся длительные судебные разбирательства. И даже тогда многие проблемы могут остаться нерешенными из-за расплывчатости ряда формулировок федерального Закона.

И все же очень важно за множеством частных инцидентов видеть сегодняшнюю российскую реальность, которая их порождает. За новым законодательством стоит Московский патриархат, рассматривающий всю Россию как свою историческую каноническую территорию, а все прочие христианские церкви – как, по сути дела, незваных гостей. Мало того, некоторые политические группировки “красно-коричневого” толка считают, что Патриархат “продался” демократам, допустив принятие более либерального Закона, чем предполагалось. В ближайшем будущем от них можно ожидать призывов к еще большему ужесточению законодательства, вплоть до требований “вышвырнуть всех иностранных миссионеров и все секты из страны”. Традиционный для России конфликт между “западниками” и “славянофилами” будет постоянно подогревать и без того уже нешуточные страсти.

Вызывает беспокойство и то, что со временем у федеральных чиновников, прилагающих сегодня немалые усилия для защиты религиозных меньшинств от дискриминации на местах, рвения может заметно поубавиться. Принятие Закона привлекло к данной проблеме пристальное внимание международной общественности. Угроза лишиться иностранной финансовой помощи заставила российские власти взять процедуру внедрения нового законодательства под строгий контроль, причем двигали ими не только финансовые соображения, но и нежелание “провалить” важный экзамен на предмет соблюдения прав человека. Спустя два года, однако, интерес Запада к этой теме может заметно ослабеть, и местным властям станет гораздо проще игнорировать нормы международного и конституционного права.

Некоторые положения Закона явно противоречат требованиям Конвенции и другим международным обязательствам России. Многие формулировки, которые обосновываются заботой “об общественной безопасности, общественном порядке, здоровье, нравственности, фундаментальных правах и свободах других лиц”, не отвечают важнейшему требованию – о необходимости предусматриваемых ими ограничений в демократическом обществе – а стало быть, не соответствуют международным стандартам. Более того, требование насчет “необходимости в демократическом обществе” присутствует и в Европейской конвенции, а ведь соблюдение этой конвенции, как подчеркивается в послании, является “обязательным условием членства в Совете Европы”.

С одной стороны, Федеральный закон в соответствии с Конституцией Российской Федерации провозглашает Российскую Федерацию светским государством; с другой стороны, под предлогом ограничения деятельности псевдорелигиозных организаций он вводит дискриминационные правила регистрации и перерегистрации религиозных организаций (статья 7 пункт 2, статьи 9 и 11, статья 27 пункт 5 Федерального закона), принадлежащих к конфессиям, которые давно укоренились в России. Несомненно, государство может и должно ограничивать деятельность псевдорелигиозных организаций, наносящих ущерб нравственности и здоровью населения, однако это не означает, что государство по ходу дела может попираť фундаментальные права человека.

Закон по-прежнему ущемляет права иностранцев и лиц без гражданства, что является прямым нарушением как конституционных, так и международных норм. Сопутствующие инструкции и комментарии проясняют многие

вопросы и существенно уменьшают вред, который, как ожидалось, будет причинен этими положениями, однако общая “антизарубежная” направленность Закона сохраняется, и в результате некоторым иностранным гражданам может быть, по сути дела, отказано в праве на свободу вероисповедания. Подобное неравноправие в корне противоречит, в частности, пункту 5 статьи 62 российской Конституции, где говорится, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются общечеловеческими правами, включая право на свободу вероисповедания, “наравне с гражданами Российской Федерации”. В Законе данное требование не соблюдено или, во всяком случае, соблюдено не полностью, как указывается в послании.

Помимо того, как указывается в послании, иные положения Закона могут быть использованы для необоснованного ограничения свободы самовыражения, одного из важнейших прав, зафиксированных во всех международных правовых документах. Речь о том, что “каждый человек имеет право свободно получать и распространять информацию (в том числе религиозного характера) без каких-либо помех со стороны государственных органов и независимо от государственных границ”. Наиболее явственно Закон ограничивает свободу самовыражения религиозных групп и “организаций с ограниченными правами”, лишая их права распространять свои идеи через средства массовой информации.

D. Поправка Смита: не допустить дискриминации

В краткосрочном плане российские власти и их друзья на Западе прежде всего заинтересованы в том, чтобы избежать санкций, предусмотренных поправкой Смита. В своей окончательной редакции поправка Смита к законопроекту об ассигнованиях на помощь иностранным государствам гласит:

Статья 577. а) Ассигнования, предусмотренные данным законопроектом, могут быть выделены правительству Российской Федерации лишь при условии, что в течение 30 дней с момента вступления в силу данной статьи Президент в письменной форме подтвердит Комитетам по ассигнованиям обеих палат, Комитету по международным отношениям Сената и Комитету по международным отношениям Палаты представителей, что правительство Российской Федерации не ввело в действие никаких законодательных актов, правительственных постановлений, нормативных актов или иных правительственных решений, которые носили бы дискриминационный характер по отношению к религиозным группам или религиозным сообществам, действующим в Российской Федерации, в нарушение подписанных Российской Федерацией международных соглашений в области прав человека и свободы вероисповедания; б) эта статья вступает в силу спустя сто пятьдесят дней с момента принятия данного законопроекта.

VI. Заключение

Крушение коммунистической системы в начале 1990-х годов сопровождалось в России стремительным ростом популярности идей демократии и прав человека. В религиозной сфере этот всеобщий энтузиазм выразился в принятии Закона 1990 года. Сторонники Закона 1997 года в ходе дебатов, развернувшихся минувшим летом, утверждали, что маятник качнулся слишком далеко и необходима определенная “корректировка курса”. На наш взгляд, дело вовсе не в том, что свобода вероисповедания приобрела в России неуправляемый характер, а в том, что усиленная националистическая и антизападная пропаганда в сочетании с преувеличенными опасениями по поводу деятельности новых, “непривычных” религиозных групп привела к переориентации значительной части российского общества в данном вопросе. Мы, разумеется, не отрицаем, что отдельные факты злоупотреблений со стороны лиц и организаций, незаконно пользовавшихся налоговыми льготами и прочими привилегиями, которые дарует статус религиозной организации, действительно имели место. Однако для борьбы с такого рода нарушениями существуют другие правовые и административные каналы, так что это всего лишь предлог для произвольного ограничения свободы вероисповедания в России.

Мы отнюдь не закрываем глаза на многие недостатки нового Закона, но при этом не можем не принимать во внимание масштаб и сложность проблем, стоящих ныне перед Россией; вот почему мы с огромным уважением относимся к усилиям тех, кто в этих трудных условиях пытается найти достойный ответ на сей исторический вызов.